РОВЕСНИК

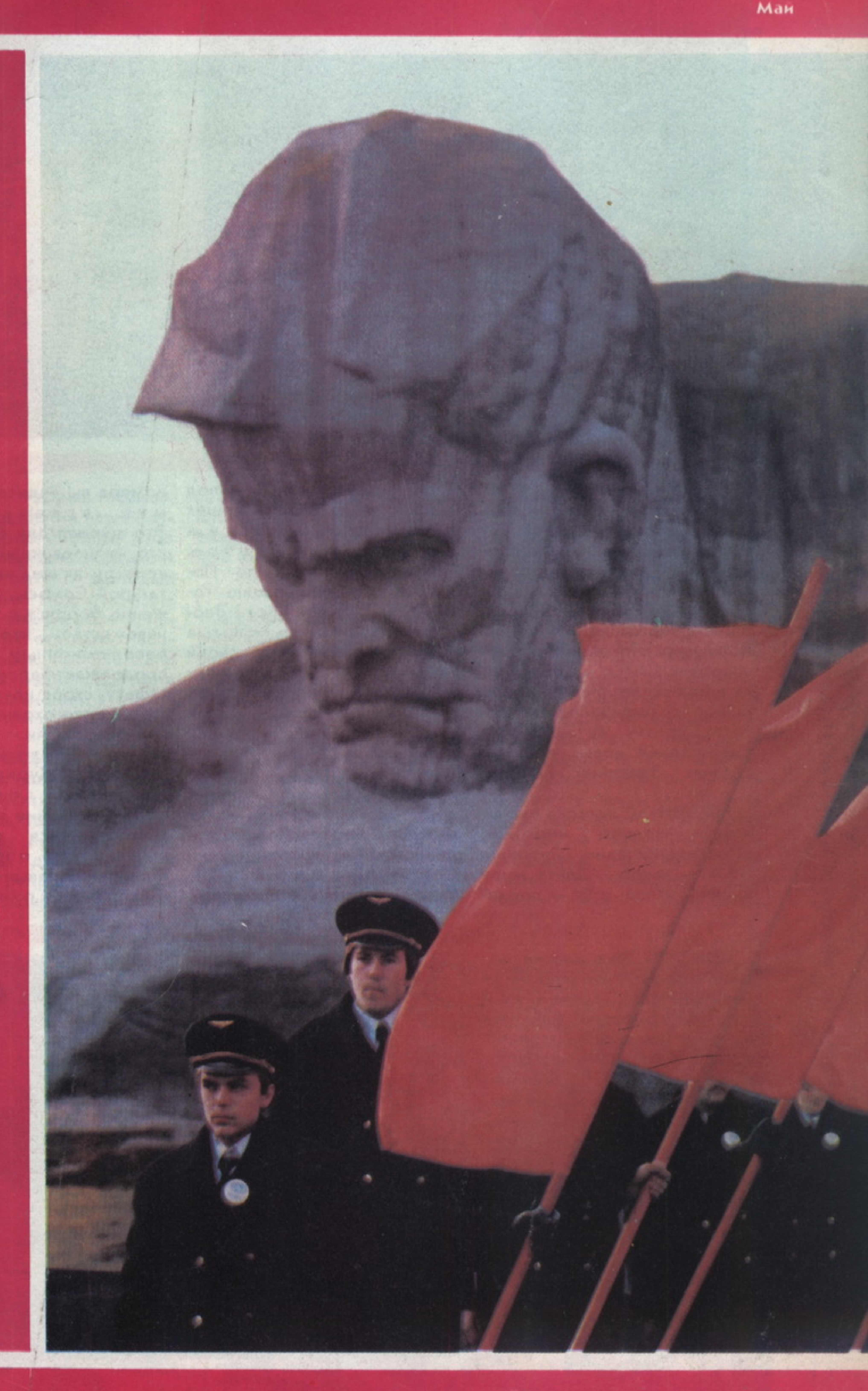
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 5/83
Май

В НОМЕРЕ:

ЗАПИСКИ ВРАЧА
С НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА,
ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКОГО
ПИСАТЕЛЯ АНДРЕ МОРУА МОЛОДЕЖИ,
РАССКАЗ О ЯПОНСКОМ
КИНОРЕЖИССЕРЕ
И О ПОБЕДИТЕЛЯХ «ХИТ-ПАРАДА-82»

ISSN 0131—5994

На снимке:
у стен крепости-мемориала — учащиеся профессионально-технического училища города Бреста. Здесь для них начинается урок памяти, урок мужества.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

ВСЕМИРНЫЙ

МОСКВА — БРЮССЕЛЬ. По призыву комсомола миллионы молодых людей Советского Союза вносят свой вклад в дело укрепления мира на континенте. Так, в одном только 1982 году 16 миллионов 956 тысяч 67 юношей и девушек отправили в штаб-квартиру НАТО, находящуюся в Брюсселе, письма и открытки с выражением протеста против готовящегося размещения новых ракет в странах Западной Европы.

БЕРЛИН. «С востока «угрожают» только миром!», «Противопоставим оружию НАТО — мир!», «Дайте миру шанс!», «Мой труд — социалистической родине!» — под такими лозунгами прошел митинг в столице ГДР, снимок вверху в центре. Приветствуя пражскую Политическую декларацию государств — участников Варшавского Договора, молодые берлинцы заявили о своей решимости укреплять мир и социализм, дружеские связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

МАНАГУА. В конце прошлого года в Никарагуа начал выходить журнал Союза сандинистской молодежи имени 19 июля «Лос мучачос» («Ребята»), обложку его первого номера вы видите на снимке вверху слева. Это журнал для тех и о тех, кто, не щадя жизни, с винтовкой в руках шел на бой с диктатурой Сомосы, самоотверженно боролся с темнотой и невежеством, кто сегодня с революционным задором продолжает героическую эстафету, строя новую Никарагуа и зорко охраняя завоевания революции.

ПАРИЖ. Журнал «Нувель обсерватер» опубликовал статью о «войне учебников», разгоревшейся в системе школьного образования Франции. Правые силы страны стремятся помешать распространению среди учащейся молодежи идей социализма. Они объявляют школьные учебники «марксистскими» и требуют их запрета, причем для того, чтобы учебник попал в длинный список «красных», достаточно, к примеру, упомянуть в нем о плановой экономике в СССР или назвать США империалистическим государством.

ПРАГА. Борьбе студентов разных стран за мир посвящен номер журнала «Всемирные студенческие новости», издаваемого Международным союзом студентов. Журнал рассказывает об участии студентов в маршах

ЛОНДОН. Уже многие месяцы возле американской военной базы Гринэм-Коммон в графстве Бэркшир живет и борется палаточный лагерь мира. Его организаторы — женщины, которых объединило стремление выступить против американских ядерных ракет в Великобритании, против распространения ядерного оружия вообще. Ни полицейские расправы, ни штрафы, ни тюремные заключения не сломили дух этих людей. «Человеческая стойкость,— говорит одна из активисток движения, Элен Джон,— в конце концов не может не одержать победу».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ

МИЛАН. Город Комизо на острове Сицилия прежде был известен даже не каждому итальянцу, но после того как НАТО объявил о своем решении соорудить в его окрестностях одну из крупнейших в Западной Европе военных баз для размещения американских ядерных ракет, в сознании многих европейцев имя этого города стало символом, олицетворяющим столкновение двух противоположных направлений в мировой политике. В знак протеста против решения НАТО в Милане начался небывалый по массовости Марш мира прогрессивной итальянской молодежи и миролюбивых политических организаций страны. В нем приняло участие около 200 тысяч человек. Через всю страну в Комизо пронесли они свой лозунг: «Нет ракетам! Мир в опасности, надо бороться за мир!»

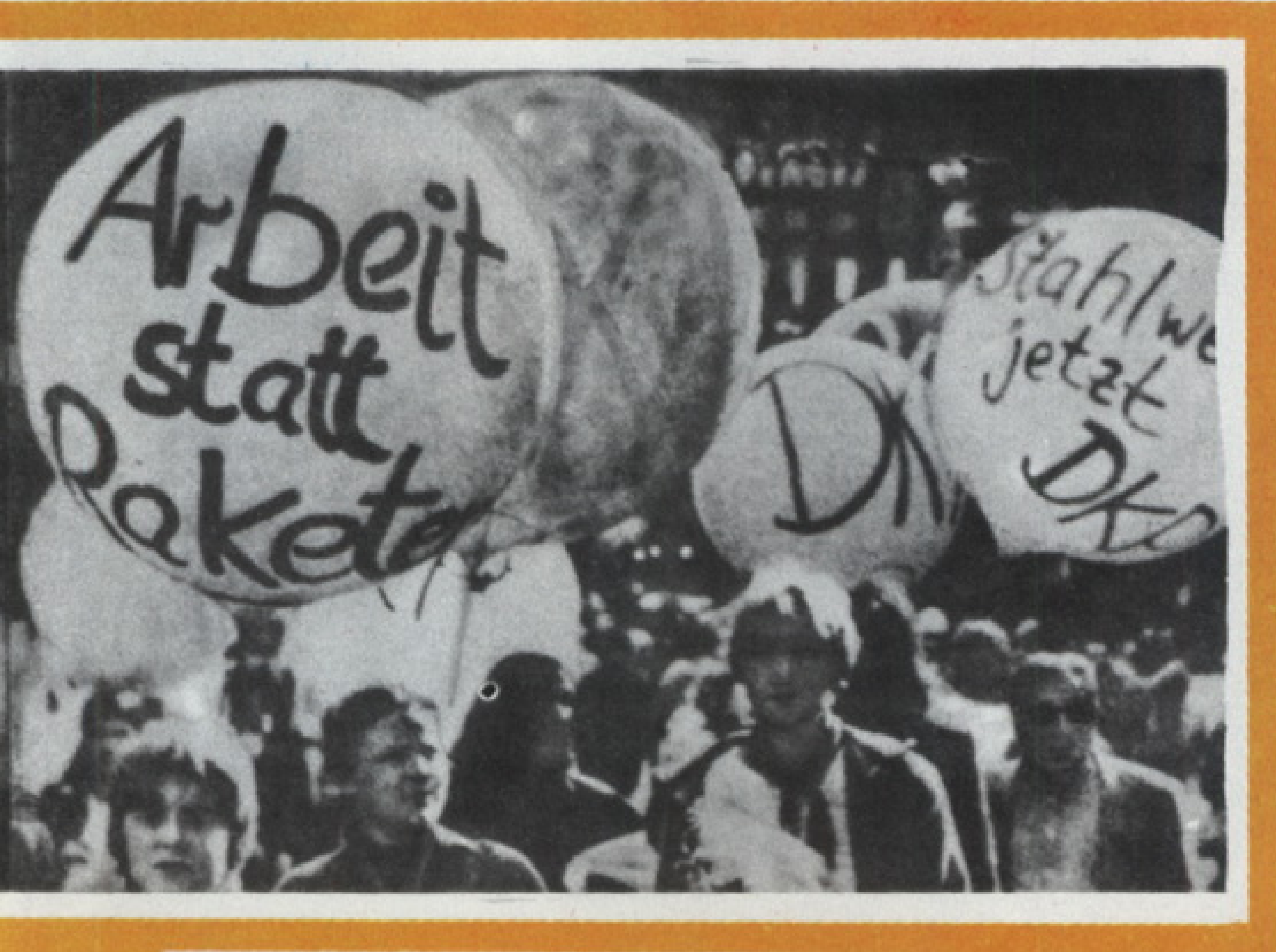
мира, о сборе подписей под петициями, требующими создать безъядерные зоны на всех континентах, о солидарности учащейся молодежи с народами Ливана, Сальвадора, Юга Африки, борющимися с оружием в руках против империализма. Н а с н и м к е в н и з у с п р а в а обложка этого номера журнала.

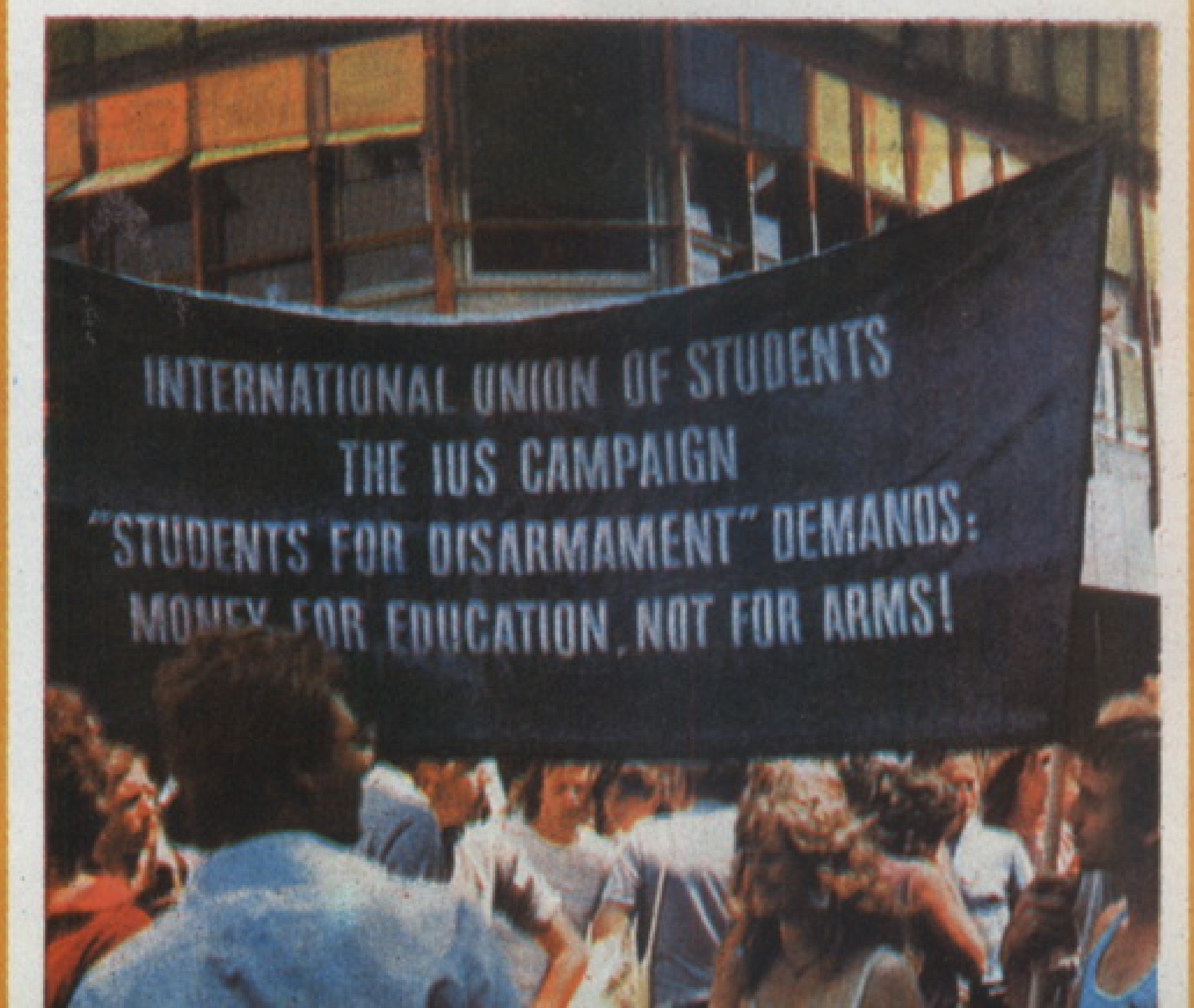
ДОРТМУНД. Увольнения и неполная занятость — такими мерами обычно пытаются поправить свои дела владельцы крупных предприятий. С ноября прошлого года (по планам — вплоть до 1984-го) продолжаются массовые увольнения на стальном гиганте ФРГ, фирме «Хёш». «Либо все рабочие нашей отрасли борются сообща, либо каждый умирает в одиночку»,— заявляют молодые безработные. Под лозунгом «Работу — вместо ракет», написанным на огромных воздушных шарах, прошла одна из демонстраций протеста против увольнений в Дортмунде, с н и м о к в н и з у в ц е н т р е.

ИОГАННЕСБУРГ. Расистские власти планируют в ближайшие десять лет удвоить численность так называемых «оборонных сил» ЮАР, используемых для оккупации Намибии, репрессий внутри страны и провокаций против соседних государств. Такие планы вызывают протест со стороны прогрессивных белых южноафриканцев.

МЕХИКО. Молодежь Мексики приняла участие в 25-тысячном марше протеста, состоявшемся в столице. Демонстранты требовали прекращения интервенции США в Центральной Америке, призывали крепить солидарность с освободительной борьбой сальвадорского народа. Право решать судьбу народов Латинской Америки, подчеркивали выступавшие на митинге, принадлежит им самим и никому другому.

ТЕЛЬ-АВИВ. Здесь прошла манифестация протеста обитателей трущоб южных кварталов города, где живут в основном евреи-сефарды — потомки выходцев из стран Африки и Ближнего Востока. Манифестанты полны решимости бороться с нищетой и бесправием, на которые обречены бедняки Израиля. Так, недавно полицейский безнаказанно застрелил двадцатишестилетнего жителя трущоб, который пытался помешать снести его жилище, обреченное по решению властей на слом. «С нами обращаются, как с преступниками!» — утверждают беднейшие жители Тель-Авива.

смотрите:

Брестская крепость — часть нашей памяти о войне. Крепость первая приняла на себя огонь фашистских оккупантов. Она первая выдержала этот огонь и выстояла, победила. Враг прошел через руины. Мемориал, сооруженный много лет спустя,— напоминание о войне, но это памятник не войне, а миру. Сегодня Брестская крепость — антивоенный символ. Поэтому она должна стоять вечно. Память этих стен нужна нам для нашей жизни. Без памяти не может жить ни человек, ни целый народ. И это можно понять еще и так: позволив себе забыть войну, мы станем бессильны предотвратить новую. Поэтому должна стоять вечно Брестская крепость. Сталинградский «Дом Павлова». Хатынь. Дорога к ним открыта. И люди идут. СМОТРИТЕ.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

9 МАЯ ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

ПОЧЕМУ ПОБЕЖДАЕТ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Эдгар СНОУ,
американский писатель

Очень немногие американцы могут считаться знатоками Красной Армии, которая оказалась величайшей армией в Европе. Когда Германия совершила нападение на Россию в 1941 году, наше командование разделяло точку зрения британского и полагало, что немцы выиграют войну примерно через шесть недель. Как стало известно, бригадный генерал Филип Феймонвиль был единственным человеком в нашем военном министерстве, который выразил уверенность, что Красная Армия способна сокрушить нацистскую машину.

Вспоминая об этом, нам следует признать, что мы очень плохо представляли себе Россию и что очень многое нам еще предстояло узнать о ней. Получаемая нами информация и самый метод анализа не служили целям изучения этой страны, что справедливо также и сегодня. Если бы это было не так, я не решился бы высказывать свое суждение при моем ограниченном знании той военной силы, которая, надо признать, решительным образом изменила всю будущую историю человечества.

Если бы Красная Армия рухнула, как некоторые предсказывали, маловероятно, что многие из нас дожили бы до окончания войны. Результатом решительной борьбы СССР за полное искоренение нацизма было спасение Африки, спасение Ближнего Востока, спасение Среднего Востока. Победы России на своих фронтах предотвратили тесный альянс Германии и Японии, который дал бы нашему врагу [1] столь нужную ему помощь, чтобы удержать все, что он захватил в Азии и на Тихом океане. Конечно, ничто не дается даром в этом мире; и в той или иной мере история назначит цену, которую нам следует заплатить за все, что сделала для нас Россия. Человеческие жертвы со стороны США — лишь малая часть того, что потеряла она.

Когда Гитлер начал свой поход в Россию, он имел за плечами самые богатые ресурсы, когда-либо мобилизованные завоевателем. Он был хозяином практически всей Европы, господствуя над двумястами миллионами человек. Британия была выбита из войны, поскольку не была способна к наступательным действиям, а Соединенные Штаты еще не вступили в войну. Гитлер опустошил военные арсеналы Европы и вооружил вермахт. Он начал нашествие, имея превосходство в танках и артиллерии. Ему ничто не препятствовало в течение приблизительно трех лет концентрировать все свои силы против России.

Таковы были неблагоприятные обстоятельства, которые Россия предвидела и с которыми Красная Армия столкнулась. И тем грандиозней триумф России, которая не только остановила нацистов, но и погнала их со своей земли.

Земля, отвоеванная назад, представляла пустыню, покрытую развалинами. Только сама почва оставалась нетронутой, Гитлер отравил бы и ее, если бы это было в его силах. Для того чтобы вы могли себе представить размеры опустошения, стоит привести некоторые сравнения, опираясь на географию Соединенных Штатов. Возьмите для примера несколько городов, разрушенных нацистами,— Севастополь, Ржев, Курск, Харьков, Одесса, Киев, Ленинград, Сталинград, Смоленск и Днепропетровск. По числу жителей они могут быть приблизительно соотнесены с такими американскими городами, как Трентон, Атлантик-Сити, Нашвилл, Бостон, Балтимор, Сан-Франциско, Чикаго, Милуоки, Пеория, Вашингтон, Де-Мойн и Цинциннати. Представьте себе, что перечисленные мною американские города стали бы пустыней, случись США пройти через те же испытания, что и Россия. Или просто представьте себе Харьков, по размерам близкий Бостону, на 70 процентов превращенный в руины. Подумайте о десятках тысяч уничтоженных домов; о бесчисленных заводах, электростанциях и общественных зданиях.

Даже представив все это, мы сможем получить лишь приблизительное представление о том, чего стоила русским победа. И не забывайте о самом главном: к исходу

Статья была опубликована в августе 1944 года в журнале «Совьет Раша тудей».

[1] *7 декабря 1941 года Япония внезапным нападением на американскую военную базу в Тихом океане Пёрл-Харбор развязала войну против США. 8 декабря 1941 года США объявили войну Японии.— Примеч. ред.*

весны 1944 года Красная Армия потеряла несколько миллионов солдат, в основном молодых людей, убитыми, пропавшими без вести, ранеными.

Чем же объясняется способность Красной Армии выдержать такие потери, восстановить свои силы и побеждать. Некоторые поспешат привести доводы насчет Генерала Зима, насчет Человеческих Орд и Пространств. Когда же мы перестанем мыслить подобными категориями?

Мешали ли морозы фашистам? Да, до известной степени. Бесспорно, они были хуже экипированы и приспособлены к ведению боевых действий зимой, чем русские. Но это не самый важный фактор, и само такое объяснение уязвимо. Ведь из него прямо следует вопрос: а почему гитлеровцы оказались не подготовленными к войне зимой? Надеялись через шесть недель закончить войну?

Другие видят объяснение победы в том, что Россия располагает огромными людскими массами. Один офицер из самого высокого союзного командования вполне серьезно объяснял, что Германия «была побита азиатскими ордами». Она была побита, ибо вермахт — это не орды и его солдаты не могут соревноваться с русскими в их способности к самопожертвованию. А о чем говорят факты? Гитлер имел в своем распоряжении больше людей, чем Красная Армия. К исходу первого года войны треть населения России оказалась на оккупированной Гитлером территории. А что могло заставить так называемые «орды» идти на смерть? И почему те же «орды» не сокрушили кайзера в первую мировую войну, тем более что русским помогал тогда западный фронт?

Почему, наконец, британские «орды», набранные в колониях, численностью в полмиллиарда человек, не могут победить страны оси (Германия — Италия — Япония.— *Ред.*)?

Некоторые утверждают, будто пространство погубило Германию: нацистов поглотили бескрайние просторы России, они углубились на столь далекое расстояние, что не могли уже сконцентрировать свои силы для решающего удара. Это справедливо, но совсем в незначительной мере. Почему же? Да потому, что, если гитлеровцам приходилось растягивать свои линии снабжения, то и русские делали то же самое. Они должны были опираться на свои базы, расположенные на Урале, отдаленные от линии фронта значительно больше, чем те, которые они имели, когда подверглись агрессии. Кое-кто сравнивал разгром Гитлера с отступлением Наполеона. Но обстоятельства краха французской армии были совсем иными, чем те, которые обусловили «блицкриг» Гитлера в обратном направлении.

Иностранная помощь, главным образом американская, самолетами и танками сыграла известную роль. Но наше оружие стало поступать в необходимом количестве лишь после решающего перелома в войне. К моменту разгрома вермахта под Сталинградом количество танков и самолетов, поставленных нами и англичанами, составляло примерно десять процентов того, что имели гитлеровцы к началу войны. Точно так же и бомбежки авиацией союзников Европы, без сомнения, влияли на отступление немцев и развал их армии, но не могли сокрушить военную машину Германии в той мере, чтобы решающим образом повлиять на ход событий.

Говорят, что русские сражались так самоотверженно потому, что их родина подверглась нашествию врага. Их поведение мотивировалось патриотизмом, имеющим глубокие исторические корни. Врага, ворвавшегося в твой дом, следует изгнать, а любовь к России во многом определяет героизм ее рядового солдата. Но разве француз любит Францию меньше? Почему же гитлеровцам не удалось найти в России нового маршала Петена, хотя в первые три месяца войны она потеряла более миллиона человек? Одним русским патриотизмом этого не объяснишь.

Чтобы ответить на вопрос, почему побеждает Красная Армия, необходимо понять ее совершенно особые черты. Во-первых, она возглавляется одной партией, и все высшие офицеры — члены этой партии. Это сплоченная армия, поскольку у нее нет противоречий между военными и политическими целями. Во-вторых, воинская повинность охватывает всех граждан, и для них открыты равные возможности для продвижения. Это демократическая армия, в которой исключены какие-либо формы дискриминации, а потому в ней легко может быть внедрена строгая дисциплина.

Большинство из той, примерно, дюжины генералов, которых я интервьюировал на различных фронтах в России, были сыновьями неграмотных родителей. Красная Армия дала им все те знания, которыми они обладают. Практически все без исключения офицеры Красной Армии выходцы из среды трудящихся.

В-третьих, русские офицеры и гражданские лица не имеют каких-либо экономических интересов, которые могли бы вступить в конфликт с их единодушной преданностью интересам родины. Их не тревожит, например, потеря частной собственности, равно как и меры, направленные против тайного накопительства, спекуляции, барышничества. В-четвертых, это интернационалистская армия. Русские, украинцы, узбеки, евреи, грузины и представители всех других наций занимают в ней высшие командные посты. Нет расовых барьеров, которые препятствовали бы продвижению по службе. Эти принципы воплощаются в жизни вообще всего советского общества. Призывники — обычно грамотные и интеллигентные люди.

В-пятых, Красная Армия накопила боевой опыт, добытый во время необъявленной войны с Японией (события на озере Хасан и Халхин-Голе в 1938 и 1939 годах.— *Ред.*), войны с Финляндией. Это была молодая армия, и она не сочла зазорным извлечь уроки из тех событий, которые предшествовали войне с Германией.

Нельзя сказать, чтобы Красная Армия резко отличалась от других современных армий с точки зрения технической оснащенности, подготовки личного состава и вооружения. Ее победоносный характер определяется не этими внешними факторами. В России я увидел тот решающий фактор победы, который всегда играет главную роль в единоборстве примерно равных по силам противников. Это моральный дух. Я имею в виду моральный дух в самом широком значении этого понятия. И прежде всего, способность самым решительным образом мобилизовать все человеческие и технические ресурсы страны в моменты смертельной опасности, угрожавшей самому ее существованию.

Русские проявили высокий моральный дух в битве под Москвой и под Сталинградом, в двух сражениях, решивших судьбу нацистской армии. Под Сталинградом шла речь не о моральном духе в нашем понимании, но о стойкости. Все жертвы, благодаря которым выковывалась эта стойкость, оказались бы напрасными, если бы весь советский народ не сконцентрировал усилий на организации производства, что позволило создать в нужный момент решающее военное превосходство.

Эвакуация промышленности с территорий, занятых врагом, перемещение на Восток миллионов рабочих, развитие новых центров индустрии на Урале и в Средней Азии — все эти достижения русских широко известны на Западе. Однако, несмотря на эти усилия, общий объем продукции в России в процентном отношении оказался ниже, чем тот, который с начала войны мы наблюдаем в Соединенных Штатах. Что же позволило русским производить именно то, в чем они более всего нуждались? Я бы хотел особо подчеркнуть сказанное ниже: все было подчинено нуждам фронта за исключением того минимума продукции, которая требовалась социальными и физическими условиями жизни в Советском Союзе.

Уинстон Черчилль был абсолютно прав, когда заявил: «Ни одно правительство, когда-либо созданное людьми, не могло бы вынести удара, столь жестокого и беспощадного, какой Гитлер обрушил на Россию». В этом заявлении Черчилля заключена вторая часть ответа на вопрос, что за феномен Красная Армия. Ведь все, что совершалось на фронте и в тылу, определялось направляющей волей Советского правительства и Коммунистической партии. Иные из нас могут им и не симпатизировать, но только слепой способен сегодня отрицать, что триумф Красной Армии — это триумф советского социализма.

Перевел с английского Б. А. ГИЛЕНСОН

Г. М. ДЖИЛБЕРТ,
врач-психиатр
на Нюрнбергском процессе

Выслушав свой приговор, один за другим они спускались в тюремный блок.

Первым вывели Геринга. Землистое, вытянувшееся лицо, выпученные глаза. «Смерть!» — сказал он, рухнув на тюремную койку, рука потянулась к книге, пальцы сильно дрожали, несмотря на все его старания оставаться спокойным. Глаза увлажнились, Геринг был на грани истерики. Он попросил оставить его одного.

Нервно хихикая, вышел Гесс и важно прошествовал в свою камеру. На мой вопрос, каков его приговор, Гесс сказал, что не слушал и потому не знает (от охранника я узнал, что Гесса приговорили к пожизненному заключению).

Риббентроп едва держался на ногах. Он был в ужасе, словно в бреду блуждал по камере и шептал: «Смерть! Смерть! Как же я напишу свои мемуары? Тсс! Тсс! Сколько ненависти! Тсс! Тсс!» Наконец он сел и уставился в одну точку.

Кейтель был уже в камере и стоял спиной к двери. Когда я входил, он повернулся на каблуках и вытянулся по стойке «смирно». Руки по швам, кулаки сжаты, в глазах—ужас. «Смерть через повешение».

Каменное лицо Кальтенбруннера было безразлично, но крепко стиснутые руки выдавали страх. «Смерть»,— прошептал он и более говорить не мог.

Франк вежливо улыбнулся, но отвел глаза: «Смерть через повешение»,— вкрадчиво произнес он и как бы в подтверждение кивнул.

Розенберг переодевался в тюремную робу, когда я вошел. Он раздраженно рявкнул: «Веревка! Веревка! Это вам хотелось услышать?»

Штрейхер зло улыбнулся: «Конечно, смерть. Вам всем это давно было известно».

Функ в тупом недоумении наблюдал, как охранник снимает наручники. Потом, уставившись в пол, он ходил по камере и бормотал, словно не понимая: «Пожизненное заключение... что это значит? Не собираются же они держать меня в тюрьме всю мою жизнь, ведь нет? Что они имеют в виду?»

Дениц не знал, как реагировать на приговор: «Десять лет»,— сказал он удивленно.

Когда Редера ввели в тюремный блок, он неестественно высоким голосом поинтересовался у охранника, будет ли прогулка. Заметив меня, он знаком дал понять, что не хочет разговаривать, и скрылся в камере (от охранника я узнал, что Редера приговорили к пожизненному заключению).

Фон Ширах с серьезным, напряженным лицом прошел в камеру. «Двадцать лет,— сказал он, в то время как охранник снимал наручники.— Медленная смерть хуже быстрой».

Заукель потел и дрожал: «Меня приговорили к смертной казни! Это несправедливо. Сам я никогда не был жестоким...» Он заплакал.

Иодль словно робот промаршировал в свою камеру. Там он некоторое время молчал, силясь произнести хоть слово, наконец, краснея от напряжения, выдавил: «Смерть через повешение. Этого уж я никак не заслужил,— рот скривился, Иодль перешел на шепот.— Я не заслужил такое».

Зейс-Инкварт улыбнулся: «Смерть через повешение»,— сказал он надтреснутым голосом, опять улыбнулся и пожал плечами.

Шпеер нервно хихикнул: «Двадцать лет. Что ж, достаточно справедливо...»

Фон Нейрат едва смог выговорить: «Пятнадцать».

Фрик пожал плечами: «Повесят. Другого я не ждал»[1].

20 октября 1945 года я приехал в Нюрнберг, чтобы принять участие в работе Международного Военного Трибунала над двадцатью тремя нацистскими военными преступниками[2]. Мне был разрешен свободный доступ в камеры обвиняемых. Я присутствовал при их разговорах в здании суда. Все это время вплоть до закрытия процесса я вел записи, которые и предлагаю ниже.

Из книги «Нюрнбергский дневник».

[1] *Только трое из всех обвиняемых на Нюрнбергском процессе были признаны невиновными: фон Паппен, Фриче и Шахт.— Здесь и далее примеч. пер.*

[2] *Борман был приговорен к смертной казни через повешение заочно.*

Нюрнбергский дневник

29 октября (камера Геринга).

Я говорил с Герингом, когда в камеру принесли официальное уведомление о смерти Лея[1]. Геринг без интереса прочитал сообщение и, едва офицер вышел, он повернулся ко мне:

— Очень хорошо, что Лей мертв. У меня были серьезные опасения относительно того, как он поведет себя на суде... Я уверен, что он сделал бы из себя посмешище.

Когда я коснулся вопроса вины и ответственности, Геринг заговорил о «вине союзников», о том, что война есть война. При этом он много шутил, всегда с расчетом на впечатление: такой милый человек, он, конечно же, не способен ни на что дурное. Но патологический эгоизм, неуемное желание лести, восхищение им, Герингом, как значительной исторической личностью, он скрыть не мог. О своих соратниках по партии Геринг говорил не иначе как в самом презрительном тоне. Особенно о Риббентропе:

— Жаль, что Риббентроп расклеился... Противно глядеть, как он юлит. Все эти бесконечные документы, многословные объяснения.

Как можно судить по замечанию Геринга, фон Риббентроп из камеры № 7 совсем не походил на того Риббентропа, создателя оси Рим — Берлин — Токио. Все, что осталось от прежнего Риббентропа, было жалким, деморализованным приспособленцем, неспособным даже на минимальную последовательность защиты. Свою лояльность Гитлеру Риббентроп объяснял тем, что однажды в 1940 году Гитлер накричал на него, и с тех пор он не смел ему противоречить.

Как и Риббентроп, остальные нацисты утверждали о своей невиновности.

7 ноября (камера Франка).

— Когда я вижу, как Геринг, лишенный мундира и наград, послушно гуляет свои десять минут под насмешливыми, любопытными взглядами американских солдат, я думаю про те времена, когда он, президент рейхстага, купался в славе. Какой гротеск! Здесь собраны несостоявшиеся правители Германии, каждый в своей камере, где четыре стены и туалет, ждут суда как самые обыкновенные преступники. Ха-ха.

29 ноября. В зале суда был показан документальный фильм о концлагерях нацистов, какими их увидела наступавшая американская армия.

Сразу после просмотра я спустился в тюремный блок и говорил с каждым заключенным в отдельности. Реакция на фильм была, как правило, следующая: «Ужасно! Стыдно! Я об этом ничего не знал!»

Франк выглядел чрезвычайно возбужденным и расстроенным.

— Подумать только: мы жили как короли и верили в это животное! Не слушайте, когда вам говорят, что никто ничего не знал. Пусть даже не зная всех деталей, каждый чувствовал, что в этой системе есть нечто ужасное. Просто они не хотели знать! Чтобы с комфортом жить за счет этой системы, и по-королевски обеспечивать семьи, и верить, что все в порядке.

Геринг был расстроен, что фильм испортил его шоу.

— Все было так прекрасно. Зачитывали мой телефонный разговор по поводу австрийской операции[1]. А потом показали этот фильм, и он все испортил.

14 декабря. Майор Уэлш зачитал документальные свидетельства о голоде и убийстве евреев в Польше.

Из дневника Франка: «То, что мы осудили 1 миллион 200 тысяч евреев на голод, не должно пониматься буквально. Чтобы евреи не голодали, нужно активизировать антиеврейские меры... Мы должны уничтожать евреев повсюду, где встретим, повсюду, где возможно».

Я разговаривал с Франком по поводу этих бесчеловечных записок. Он сказал, что написал все это в пору слепого нацистского фанатизма.

15 декабря (камера Заукеля).

Он был испуган и дрожал, словно я пришел пытать его. Заламывая руки, прерывающимся голосом:

— Поймите, я абсолютно ничего про это не знал. Я не имею к этому никакого отношения. Наоборот! Насколько это возможно, я старался облегчить жизнь иностранным рабочим, пригнанным в Германию.

22 декабря (камера Франка).

Разговор опять зашел о дневниках. Мне хотелось понять, как можно было написать такое, рассуждая столь здраво, как Франк.

— Я не знаю... Но представьте, в тридцать я был уже министр, меня возили в лимузине, у меня были слуги... Потом здесь, в зале суда, я смотрел нацистский фильм и увидел Гитлера. Помимо моей воли, меня вновь захлестнули эмоции... Забавно, сидишь на скамье подсудимых в напряжении, стыде и раскаянии, лихорадочно придумываешь оправдания, хватаешься за каждую соломинку... Потом на экране появляется Гитлер, ты встаешь, выбрасываешь руку (Франк в фашистском приветствии вскидывает руку и зажмуривается). Но это проходит. Открываешь руку — она пуста!

23 декабря (камера Риббентропа).

Риббентроп, согнувшись над кипой бумаг на столе, лихорадочно работал. Едва я вошел, он быстро-быстро заговорил:

— Герр доктор, неужели вы считаете, что я планировал агрессивную войну? Обвинение занимает слишком одностороннюю позицию. Я уверен, что у судей есть документы, которые дока-

[1] *Лей повесился в камере после того, как подсудимым был зачитан обвинительный акт.*

[1] *Имеется в виду телефонный разговор Геринга и Риббентропа в день вступления Гитлера в Вену.*

зывают обратное тому, что утверждает обвинение... Меня обвиняют в антисемитизме, но это абсолютно противоречит моей натуре.— Он заговорил шепотом.— Почему бы победителям не признать все исторической трагедией, которую невозможно было избежать, и выработать некое мирное решение?

8 февраля. Геринг помрачнел, когда я обратил его внимание на то, что зал суда полон впервые за многие недели. Выступал главный обвинитель от советской стороны генерал Руденко:

— ...Ныне наступил час расплаты... Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Речь Руденко произвела впечатление на нацистов. Фриче, подавленный, сказал, что впервые слышит про массовые убийства женщин и детей, которых потом просто сбрасывали во рвы. На что Геринг громко заявил, что это дело рук самих русских. Теперь они хотят свалить все на немцев.

9 февраля (камера Шпеера).

— ...Когда-нибудь я напишу про все это лицемерие и безумие, на котором стояла наша система. Я никого не пощажу, я назову имена, свое тоже. Мы все виновны! Я тоже игнорировал правду!

Я спросил, почему бы вкратце не написать это сейчас. После суда ему будет легче сосредоточиться, сказал Шпеер.

19 февраля. Русские показали фильм о массовых убийствах. Ужасный фильм — еще страшнее, чем представленный американцами.

(Камера Геринга).

— Я всегда это говорил... Свою вину русские хотят свалить на нас.

(Камера Франка).

— Можно ли представить, чтобы человек мог хладнокровно планировать такое? Допустим, в какой-то момент Гитлер и Гиммлер сидят вместе, Гитлер отдает приказ уничтожить все расы и группы народов... Я пытаюсь представить эту сцену. И не могу. О чем они думали?

Я спросил, о чем думал он сам, когда отдавал приказ согнать евреев в концлагеря. Он сказал, что ни о чем не думал, не думал о последствиях.

27 февраля. Советская женщина, пережившая Освенцим, рассказала о том, как поступали нацисты с матерями и их детьми. Младенцев отбирали у матерей, больше они их не видели.

В перерыве, когда подсудимые направлялись обедать, адвокат Деница спросил своего подзащитного: «Неужели никто из вас ничего не знал?» Дениц пожал плечами. Геринг обернулся: «Конечно, нет. Это как в батальоне. Командир батальона не знает, что творится за стенами его штаба. Чем выше сидишь — тем меньше видишь».

Суд шел своим чередом: речи свидетелей, перекрестные допросы, защитные речи подсудимых, нацисты валили вину друг на друга, пока наконец 31 августа 1946 года обвиняемые не произнесли свои последние речи.

Геринг отказался от Гитлера, выступив с помпезной речью о собственной невиновности, призвав в свидетели тому, что он, Геринг, руководствовался лишь патриотическими чувствами, бога и германский народ.

Прочие обвиняемые признали, что, да, совершены тягчайшие преступления, но лично они действовали по совести, соответственно своим постам и профессиям: генералы исполняли приказы, адмиралы были столь же виновны, как и все другие адмиралы, политики служили отечеству, финансисты занимались бизнесом.

В тюрьме воцарилась напряженная атмосфера — ожидание исполнения приговора.

Геринг шутил через силу и с каждым днем все больше и больше нервничал.

Заукель, Розенберг, Функ целыми днями блуждали в камерах или лежали на тюремных койках, уставившись в потолок.

Редер постоянно твердил, что его ждет смерть. И это лучше, чем пожизненное заключение.

Риббентроп бессвязно повторял и повторял свои прежние доказательства и ложь. Лицо его осунулось, было бледно, как маска, на нем застыло одно выражение — ужас смерти.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

И. А. ЛЕДЯХ, старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР, кандидат юридических наук

Вторая мировая война, развязанная германским империализмом, была самой кровавой и опустошительной в истории человечества. История войн никогда ранее не знала такой концентрации чудовищных преступлений и таких масштабов преступной деятельности, которые совершил германский фашизм. Десятки миллионов ни в чем не повинных людей, в том числе детей, женщин, стариков, были зверски убиты, замучены, уничтожены в концлагерях, задушены в газовых камерах. На территории Германии и оккупированных стран гитлеровцы создали около девяти тысяч лагерей разного типа.

Еще в начале войны 14 октября 1942 года Советское правительство выступило с серьезным предупреждением в адрес гитлеровских преступников о неминуемой ответственности за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы, а в октябре 1943 года в Московской Декларации трех держав антигитлеровской коалиции нацистские преступники вновь предупреждались, что союзнические державы найдут их «даже на краю света» и передадут в руки правосудия с тем, чтобы они понесли заслуженное наказание. Требование о создании специального Международного Военного Трибунала для суда над преступными руководителями гитлеровской Германии широко поддерживалось мировым общественным мнением, оно соответствовало чаяниям народов о суровом наказании нацистских военных преступников.

В Нюрнберге, городе, который считался партийной столицей национал-социализма, его идеологическим центром, где устраивались факельные шествия и марши штурмовых отрядов, 20 ноября 1945 года начался судебный процесс над главарями нацистской Германии. На скамье подсудимых «представлены» основные звенья механизма преступного нацистского государства: главные лидеры национал-социалистской партии (Геринг, Гесс), главные руководители нацистской дипломатии (Риббентроп, Нейрат), высшее командование вермахта (Кейтель, Иодль, Дениц, Редер), верхушка нацистских идеологов (Розенберг, Штрейхер), и те, кто возглавлял экономическое обеспечение агрессивной войны (Шахт, Функ, Шпеер), и представители карательных органов СС, СД, гестапо (Кальтенбруннер), нацистской юстиции (Франк) и другие. Почти одиннадцать месяцев продолжался процесс. Он проводился в строгом соответствии с общепринятыми нормами правосудия, обвиняемым было предоставлено право на защиту.

Тщательно и объективно исследовал суд доказательства виновности конкретных лиц. Об этом свидетельствует гигантский объем проделанной им работы: трибунал провел 218 судебных заседаний, его протоколы насчитывают 16 тысяч страниц, обвинители предъявили 2630 документов, защита — 2700; было заслушано 240 свидетелей, изучено более 300 тысяч письменных показаний, данных под присягой.

Вынесенный на этом основании приговор МВТ был справедливым приговором. Трибунал осудил гитлеровскую агрессию, признал преступными основные организации «третьего рейха» — охранные отряды нацистской партии (СС), тайную полицию (гестапо), штурмовые отряды (СА); он вынес суровый, но справедливый приговор в отношении 19 из 22 главных нацистских преступников.

Дневниковые записи американского врача-психиатра на Нюрнбергском процессе Г. Джилберта, которые предлагаются читателю, показывают подсудимых в момент, когда МВТ уже огла-

сил приговор. Маски сорваны, преступные деяния полностью изобличены, вина доказана. В течение процесса все они изворачивались, лгали, подличали, валили вину друг на друга, а все вместе на Гитлера, Гиммлера, Геббельса, то есть на тех, кто из страха перед неминуемым возмездием уже покончил счеты с жизнью. «Мы ничего не знали, мы выполняли приказы, были ослеплены идеями, неправильно понимали чувство долга»,— твердили подсудимые. Все это было опровергнуто, виновность каждого доказана. Теперь они оказались у последней черты — растеряны, подавлены, но все еще, скорее по инерции, что-то лепечут в свое оправдание. Напомним читателю, кем же они были при Гитлере и в чем их вина. В кратком послесловии невозможно воссоздать портреты всех или хотя бы приговоренных к смерти двенадцати военных преступников, для этого понадобилось бы написать целую книгу. Интересующимся читателям мы рекомендуем работы известных советских юристов — непосредственных участников Нюрнбергского процесса: А. И. Полторака «Нюрнбергский эпилог» и Г. Н. Александрова «Нюрнберг вчера и сегодня». А здесь всего лишь несколько зарисовок.

Германн Вильгельм Геринг — преступник № 1 на Нюрнбергском процессе, рейхсмаршал, главнокомандующий военно-воздушных сил гитлеровской Германии, соратник Гитлера с 1922 года, организатор и руководитель штурмовых отрядов (СА), один из организаторов поджога рейхстага и захвата власти нацистами. Летчик, известный варварскими налетами и бомбардировками еще во время первой мировой войны; в 1918 году был занесен в списки военных преступников. Во время второй мировой войны один из организаторов системы концлагерей для массового уничтожения людей, системы организованного грабежа оккупированной Европы. Он же инициатор издания преступного приказа о разрушении Ленинграда, активный участник разработки мер по «окончательному решению» еврейского вопроса. Гипертрофированное самомнение и тщеславие всегда отличали Геринга. Он и во время процесса подсчитывал, сколько раз называлось его имя в речах обвинителей и с удовлетворением констатировал, что оно упоминалось в несколько раз больше остальных.

Эрнст Кальтенбруннер — обергруппенфюрер СС, начальник главного имперского управления безопасности (РСХА) и начальник полиции безопасности, ближайший помощник Гиммлера. С 1943 года он непосредственно руководил деятельностью всех концлагерей, отвечал за согласованность действий так называемых «эйнзатцгрупп», предназначенных для осуществления террора, акций массового уничтожения гражданского населения на оккупированных советских территориях. Этот генерал СС неоднократно совершал инспекционные поездки по лагерям смерти и лично наблюдал за тем, как проводились «операции» умерщвления в крематориях Маутхаузена. По его приказам были уничтожены тысячи людей в варшавском гетто. А на процессе он начисто отрицал не только свою причастность к массовым убийствам в концлагерях, но даже свою осведомленность.

Однако суд полностью разоблачил и подлинные мотивы и масштабы преступной деятельности Кальтенбруннера, а равно и подведомственных ему учреждений. В своем приговоре МВТ констатировал, что нацистские «концентрационные лагеря превратились в места организованных систематических убийств». Когда в связи с этим в качестве свидетеля на суде допрашивался бывший начальник концлагеря в Освенциме Рудольф Гесс, последний признал, что при нем в газовых печах Освенцима было уничтожено 2,5 миллиона человек и 500 тысяч погибло от болезней и голода. Зал ответил на это признание приглушенным стоном. Содрогнулись и все подсудимые, ибо многие из них прямо или косвенно были причастны к этим чудовищным злодеяниям.

Прямое отношение к ним имел и Ганс Франк — рейхслейтер НСДАП по правовым вопросам и президент германской академии права, имперский министр юстиции, затем генерал-губернатор Польши. Будучи руководителем «правового» фронта нацистской Германии, он систематически разрушал законность, добиваясь того, чтобы нацистская юстиция активно участвовала в применении человеконенавистнических расовых законов, способствовал «окончательному решению» еврейского вопроса. После оккупации Польши Франк назначается ее генерал-губернатором. Известно, что за несколько дней до начала второй мировой войны и вторжения гитлеровской армии на территорию Польши 22 августа 1939 года Гитлер, выступая перед своими генералами на секретном совещании в Оберзальцберге, сказал: «...Я направил на восток мои „тотенкопфштандарте", приказав им безжалостно уничтожать всех мужчин, женщин и детей польской расы и языка... Решение восточного вопроса требует уничтожения Польши». Для осуществления этой цели был разработан специальный «генеральный план „Ост"», а Ганс Франк стал его рьяным исполнителем. Нацистский обер-юрист превратился в обер-палача польского народа. В тот период, меньше всего думая о том, что настанет час, когда придется отвечать за свои преступления, Франк имел при себе личного стенографа, который буквально по пятам следовал за генерал-губернатором и фиксировал каждое его слово, каждое действие. К концу войны записи составили десятки томов, на Нюрнбергском процессе они свидетельствовали о том, что каждый его шаг по польской земле отмечен чудовищными преступлениями. 2800 лагерей смерти было размещено на территории страны, в результате политики террора и истребления уничтожено около 6 миллионов поляков. Подводя итоги своей деятельности на приеме функционеров нацистской партии в Кракове 2 августа 1943 года, Франк говорил: «Мы начали здесь с трех с половиной миллионов евреев, сейчас от них осталось лишь несколько человек». Перед лицом неумолимых доказательств Франк на суде юлит, валит все на Гиммлера и Кальтенбруннера. Преступления чудовищны, но лично он не причастен к их совершению. Франк усиленно разыгрывал роль кающегося.

Так же повел себя и Альберт Шпеер — гитлеровский министр вооружения и боеприпасов. «Гитлер и крах его системы,— говорил он в своем последнем слове,— причинили германскому народу невероятные страдания... После этого процесса немецкий народ будет презирать Гитлера и проклинать его как зачинщика всех несчастий». Так говорил на процессе человек, помогавший Гитлеру осуществить программу ужасных преступлений против народов Европы, превративший миллионы людей в рабов «тысячелетней империи».

Еще в начале процесса обвинители предвидели, что Нюрнбергский суд станет летописью, к которой будут обращаться историки в поисках правды, а политики — в поисках предупреждения. Действительно, историческое значение Нюрнберга состоит в том, что он разоблачил человеконенавистническую сущность империализма и милитаризма, агрессивных войн и преступлений против человечества. Основные документы Нюрнберга — Устав и приговор МВТ — завершили процесс осуждения агрессии, провозгласив ее тягчайшим международным преступлением, закрепили принцип индивидуальной уголовной ответственности за преступления против человечества. Более того, политико-правовое значение решений Нюрнберга в наши дни состоит и в том, что они являются серьезным предупреждением для любого агрессора о неотвратимости наказания.

Недавно на скамью подсудимых сел гестаповский палач Клаус Барбье, которому с помощью американских спецслужб 38 лет удавалось скрываться от правосудия. И это не исключительный случай: Вашингтон, вероломно нарушая свои союзнические обязательства, укрывал и укрывает на своей территории сотни военных преступников в обмен на их услуги по части подрывной работы против Советского Союза.

Прогрессивная и демократическая общественность считает, что процесс над Барбье вновь разоблачает преступления фашизма перед человечеством, обнажает человеконенавистническую суть идеологии, которую сегодня пытаются возродить реакционные силы Запада.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ — КИЛОМЕТР

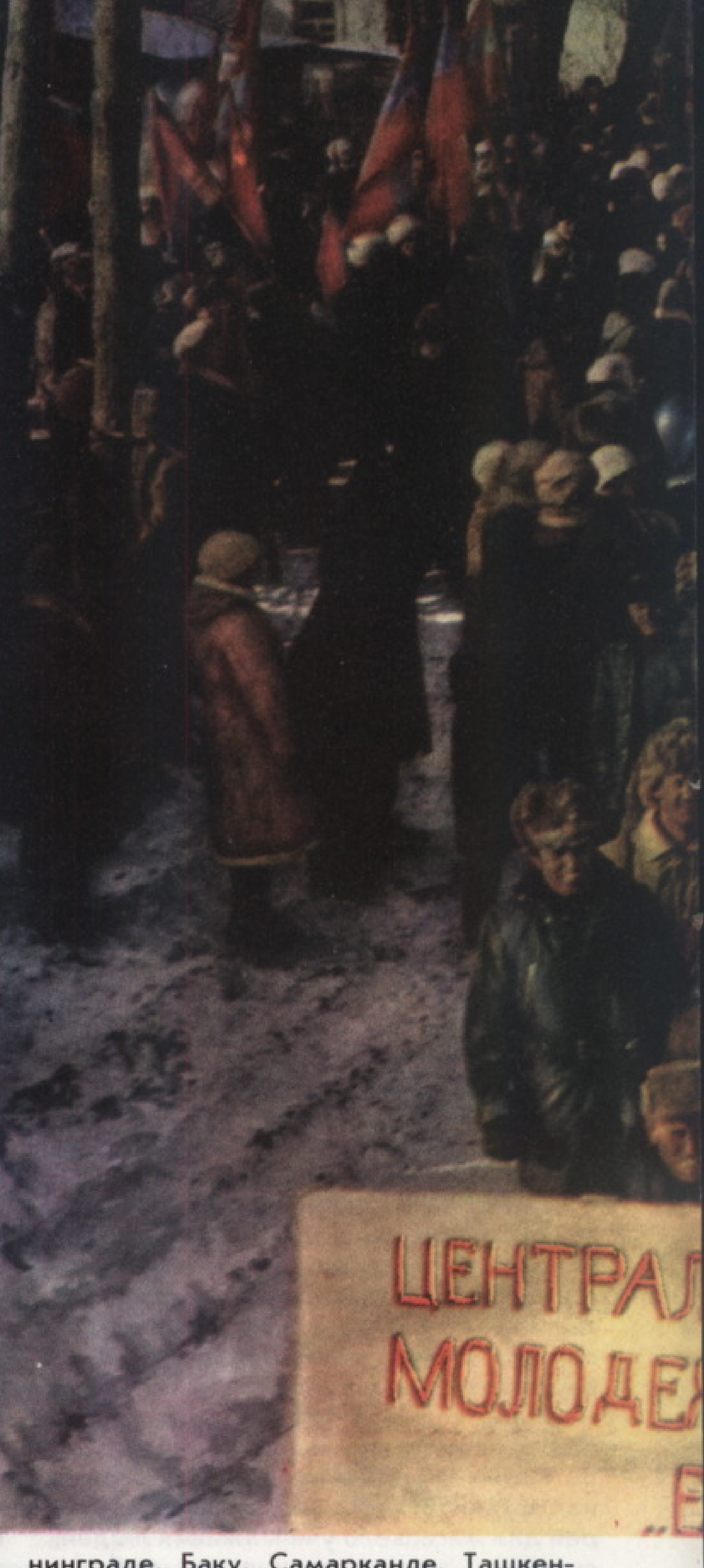
М. БЕРГЕР,
наш спец. корр.

Вдумайтесь! Протяженность газопровода Уренгой — Помары — Ужгород — 4451 километр (аналогов в мировой практике нет), диаметр — 1420 миллиметров (никто в мире не строит газопроводы такого большого диаметра), скорость потока — 500 километров в час, давление — 75 атмосфер.

Газопровод пройдет по территории 24 областей и автономных республик РСФСР и Украины, через зоны вечной мерзлоты (150 километров), через болота (700 километров), горные массивы (545 километров), пересечет 417 шоссейных и железных дорог, 560 больших и малых рек и прочих водных преград, включая Обь, Волгу, Каму, Дон, Днепр, Днестр, общая протяженность подводной части газопровода 200 километров.

Вместе с нами в этой грандиозной стройке принимают участие строители из ГДР. Они уложат 540 километров труб, построят семь компрессорных станций, жилые дома, детские сады, школы и многое другое. Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ) объявил строительство газопровода Центральным молодежным объектом.

Наш рассказ об Ивано-Франковском участке газопровода. Строители из ГДР здесь уложат, сварят и заизолируют около 140 километров труб, построят три компрессорные станции, 3 детских сада, две школы, жилые дома для эксплуатационников.

На Ивано-Франковском участке еще не было уложено и зарыто ни метра труб, свежевоткнутая вешка в начале участка говорила о том, что все еще впереди. Прибыли еще не все строители и специалисты из ГДР, фронт работ еще не был развернут в полную силу. И много было этих «еще», так что в первый момент мне показалось, что приехал я рановато. Но уже через пару минут я увидел, что те, кто приехал, не только основательно обжились, но и работают вовсю. Уже не добраться пешком от базового поселка в Богородчанах до передовой бригады на трассе, уже стала выдавать свою продукцию сварочная база в Березовке. И об этом можно было вести речь.

Сварочная база выглядит цветовым оазисом. Яркие домики на колесах, напоминающие праздничный цирковой поезд, множество техники — синей, оранжевой, желтой. Ощущение как на ВДНХ — так все грандиозно, аккуратно и красиво.

Что такое сварочная база? Это кухня газопровода. Здесь варят трубы в плети и делают все возможное, чтобы меньше работы досталось тем, кто на линии тянет нитку и укладывает ее под землю. Две трубы сваривают в двадцатичетырехметровую плеть весом около двух десятков тонн, а потом на плетевозе развозят по трассе.

На базе очень трудно работать. Это я о себе: никого невозможно даже ненадолго оторвать от машин, молотков, труб — все заняты делом. Стоять же рядом просто так, смотреть, как люди работают, неудобно. Поэтому нас приглашает к себе в прорабскую Хорст Брандт.

— Посидим,— говорит,— пока не освободится кто-нибудь из молодежной бригады сварщиков Ханса Реплинга. Я сейчас не занят.

Прорабская Брандта — один из многих оранжевых домиков на колесах, только не жилой, а служебный. Жилые внутри похожи на небольшие каюты: две комнатки с двумя койками, одна над другой, в каждой все аккуратно и рационально. А служебные похожи на все служебные помещения: кабинет со шкафами, столами и полками. А посередине аккуратная такая «буржуйка», работает на угле и прекрасно греет. На ней стоит чайник. Пока ждем перерыва у сварщиков, Хорст готов рассказать журналистам что-нибудь интересное. Например, о том, что он уже строил один газопровод в СССР — «Союз», и за прошедшие три года не забыл язык. Тогда он был прорабом.

— Сейчас тоже прораб?

— Нет, что ты, совсем нет,— машет руками Хорст.— Сейчас я старший прораб.

Он назвал несколько населенных пунктов, где он работал на «Союзе»: Тальное, Александровка, а потом вдруг сказал: «Баргузин».

— «Пошевеливай вал...» Это ветер, что ли? — не понял я.

— Баргузин,— повторил Хорст.

Выяснилось, что это два отдельных города: Бар и Гайсин. Хорст не только работал на строительстве «Союза», но и объездил весь Союз. Был в Ленинграде, Баку, Самарканде, Ташкенте, Минске, Фрунзе, Кишиневе. Он поднимает вверх большой палец — отлично!

— Ну а как была работа на «Союзе»?

— Я же снова здесь. Значит, не только мне понравилось, но и я понравился. Мой коллектив пять раз побеждал в социалистическом соревновании.

— А сейчас?

— А сейчас я только приехал. С женой Анке, она библиотекарь.

Наша беседа была прервана небольшой паузой на сварочных работах. Освободился заместитель секретаря организации ССНМ бригады Реплинга Удо Вайгель и взялся все мне рассказать.

В бригаде 15 человек. Это ребята из разных городов ГДР — сварщики, монтажники, тракторист, шлифовщики, заготовщик. Вообще-то все могут все, так что разделение довольно условное. Бригада борется за право носить имя Героя Советского Союза Якова Павлова.

В Ивано-Франковском обкоме ЛКСМУ мне уже рассказали, что все

молодежные бригады из ГДР соревнуются за право называться именами героев, погибших в боях за освобождение области. Ивано-Франковский обком ЛКСМУ и штаб ССНМ на Центральном молодежном объекте (участок «Ивано-Франковск») заключили договор о сотрудничестве и дружеских связях. Этот договор вступил в силу и действует. Бюро обкома и штаб регулярно собираются вместе. Много общих дел. Соревнование и конкурсы молодых рабочих, школа передового опыта; совместные дискотеки, концерты и спортивные состязания; викторины «Что вы знаете о ГДР и ССНМ?» и «Что вы знаете о СССР и ВЛКСМ?»; радиожурнал областного радио «Интернационалист» и специальная программа радио ГДР «ДТ-64».

Удо рассказывает о работе, а я в это время вижу, как Отто Мюллер легко и споро укладывает на стеллаж две трубы. Его трактор таскает многотонные махины спокойно и непринужденно, как слон бревна хоботом. Только у трактора «хобот» сбоку. Потом Михаил Леник зачищает кромки стыка специальными щетками, после этого с помощью центратора трубы стыкуются и подвариваются. Если сыро, стык вместе со сварщиком укрывают специальной оранжевой палаткой. Выглядит это как недозрелый помидор, надетый на шампур. Поскольку на улице действительно сыро, я не вижу, что там делается под палаткой. Но для того и Удо рядом, чтобы рассказать обо всем.

Сварка труб — дело многосложное и многослойное. Сначала накладывается корневой шов, затем внутренний и еще два наружных. Бригаде помогают сварочные автоматы. Автоматы же и контролируют каждый миллиметр сварки. Малейший брак недопустим.

— Даже маленькая проблема в газопроводе — большая проблема,— говорит Удо.

Встает Удо на работу в пять утра. «Нет, это не рано,— говорит он.— Вот дома, когда работал на комбинате «Шварце Пумпе», я вставал в четыре. Тоже нормально». В девять — второй завтрак, но ходят не все сразу, а по очереди, чтобы не останавливать работу. В час дня обед. Это самый важный час, потому что могут принести письма из дома. Все ждут писем. Работа бригады кончается в шесть вечера и ее передают другой смене. Удо больше любит, когда их бригада работает в ночную смену. Тогда днем есть время, а ночью никто не мешает работать, не ходит и не отвлекает.

— И нет корреспондентов,— добавил я, но возражений не дождался. Это не странно и не обидно. Дело прежде всего.

— А не скучно одно и то же делать, да еще по двенадцать часов в смену?

— Во-первых, за переработки через каждые три месяца мы получаем отпуск, а во-вторых, для специалиста всякий труд и всякий день — особенные, поэтому и скучно не может быть.

Со свободным временем можно поступить по-разному. Дважды в неделю крутят кино, по субботам дискотека, есть библиотека. Удо сказал, что участвовал в футбольном матче «Сборная сварочной базы» — «Местные ребята», правда, в качестве болельщика. Удо скоро собирается ехать в первый отпуск, уже купил в «Детском мире» подарок — собачку, красивая такая мягкая игрушка. Он сказал, что у нас их здорово делают.

На прощанье Удо сказал, что когда я приеду в следующий раз, то могу не застать его в Березовке. Он, вероятно, переедет на новую сварочную базу в Городенке.

База эта, кстати, не простая, а с историей. По идее там должно было монтироваться американское оборудование, которое ГДР закупала в США по договору с одной из фирм. После санкций[1], придуманных Белым домом, фирма от продажи станции не отказалась, но поставила жесткое условие: использовать станцию только на территории ГДР. Условие было неприемлемым и оскорбительным. Сейчас в Городенке монтируется сварочная база советского производства, рассчитанная, кстати, на заготовку плетей не из двух, а из трех труб.

По дороге со сварочной базы в Березовке на трассу газопровода не миновать базового лагеря в Богородчанах. Нужно проехать почти весь райцентр, небольшой и аккуратный, миновать красивые пятиэтажки с застекленными балконами (их строили венгры, когда вели здесь же газопро-

[1] *В 1981 году администрация США ввела санкции на поставку в Советский Союз оборудования для добычи нефти и газа, а в 1982 году приняла решение о продлении, расширении этих санкций на продукцию зарубежных филиалов США в Западной Европе и иностранных компаний, выпускающих продукцию по американским лицензиям. Однако домогательства США были отвергнуты западноевропейцами, заявившими о своей готовности выполнить взятые на себя по контрактам обязательства.— Примеч. ред.*

на страницу 19 ▶

ВАШЕ МНЕНИЕ?

О НАУКЕ ЖИТЬ

Открытое письмо молодому человеку

Андре МОРУА,
французский писатель

Мне восемьдесят лет, вам двадцать. От всех, кто вас знает, я слышал о вас много хорошего. И вот вы спрашиваете у меня совета, как строить свою жизнь, иначе говоря, просите написать вам «воспитательное письмо». Ваша просьба растрогала меня и придала мне силы. Попытаемся же вместе разобраться в том, что представляет собой окружающий нас мир.

Вам внушают, что старые моральные ценности канули в прошлое. Это ложь. Если вы присмотритесь к своему современнику, то под словесной шелухой обнаружите человека, каким он был во все времена.

Моральные ценности — не бессмысленное изобретение дряхлых моралистов. Они потому и называются ценностями, что без них невозможны ни дальнейшее развитие общества, ни счастливая жизнь. Для начала я напомню вам несколько древних как мир истин...

Во-первых, нельзя жить для себя. Думая только о себе, человек всегда найдет тысячу причин чувствовать себя несчастным. Никогда он не делал всего того, что хотел и должен был делать; никогда он не получал всего того, чего, по его мнению, заслуживал; редко он был любим так, как мечтал быть любимым. Без конца пережевывая свое прошлое, он будет испытывать одни сожаления да угрызения совести. Попытайтесь лучше создать настоящее, которым вы впоследствии сможете гордиться. Всякий, кто живет ради других,— ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых — словно по волшебству забывает свою тоску и мелкие житейские неурядицы. «Жизнь во имя других составляет богатство нашего внутреннего мира».

Второе правило — надо действовать. Вместо того чтобы жаловаться на абсурдность мира, постараемся преобразить тот уголок, куда забросила нас судьба. Мы не в силах изменить вселенную, да и не стремимся к этому. Наши цели ближе и проще: заниматься своим делом — правильно выбрать его, глубоко изучить и достичь в нем мастерства. У каждого свое поле деятельности: я пишу книги, столяр сколачивает мне книжный шкаф, постовой регулирует уличное движение, инженер делает расчеты, мэр управляет коммуной. Если человек в совершенстве овладел каким-нибудь ремеслом, работа приносит ему счастье.

Третье правило — надо верить в силу воли. Неверно, что будущее целиком и полностью предопределено. Тот, у кого достанет смелости захотеть, может изменить свое будущее. Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая свобода имеет свои пределы. Она живет на границе возможностей и желания. Не в моей власти помешать войне, но мои устные и письменные призывы, помноженные на призывы миллионов других людей, ослабят угрозу войны. Поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме. Давая себе поблажки, человек ленится и трусит; усилием воли он заставляет себя трудиться на совесть и совершает геройские поступки.

Заниматься ли вам политикой? Равнодушие к политике — тоже одна из форм политической деятельности. Тот, кто не интересуется политикой, как бы говорит: «Мне наплевать на родной город, на родную страну, на весь мир». Такой человек мелко плавает и на первое место всегда ставит соображения личной выгоды и интересы минуты. От политики зависит и его собственная судьба, но ради того, чтобы его оставили в покое, он готов пожертвовать своим благополучием. Не обязательно принимать активное участие в политической борьбе. Единственное, чего я от вас хочу,— это чтобы вы обладали необходимым кругозором, имели свое собственное мнение, короче говоря, чтобы вы могли играть роль гражданина.

Не менее важно и правило — надо хранить верность. Верность слову, обязательствам, другим, себе самому. Надо быть из тех людей, которые никогда не подводят. Верность — добродетель не из легких. Человека ждет тысяча искушений. Вы скажете: «Как? Если я женился на кокетливой, лживой и глупой женщине, я не могу ее оставить? Если я избрал профессию и вижу, что она мне не подходит, я не могу ее сменить?» Нет. Верность не должна быть слепой. Однако не забывайте, что часто в основе неверности лежит не столько неудачный выбор, сколько обыкновенное малодушие. (Тем не менее всегда или почти всегда можно перевоспитать женщину, плодотворно работать в избранной области.)

Наверно, эти жизненные правила покажутся вам и слишком строгими и слишком общими. Я прекрасно это понимаю, но других предложить не могу.

Я не требую от вас, чтобы вы прожили жизнь суровым стоиком. Развивайте в себе чувство юмора. Будьте способны улыбнуться своим — и моим — словам и поступкам. Если вы не можете побороть свои слабости, смиритесь с ними,

но не забывайте, в чем ваша сила. Всякое общество, где граждане думают только о почестях и удовольствиях, всякое общество, которое допускает насилие и несправедливость, всякое общество, где люди не испытывают ни малейшего доверия друг к другу, всякое общество, члены которого ни к чему не стремятся,— обречено.

Если вам постоянно будет сопутствовать успех, то сколь бы заслуженным он ни был, у вас появятся враги. Это закон природы. Почему? Потому что найдутся люди, которых вы будете раздражать самим фактом своего существования. Потому что невозможно нравиться всем. Ваш успех восстановит против вас людей, которые мечтали о той же должности, добивались аплодисментов той же публики. Одно ироническое или суровое слово — и человек станет вашим врагом на всю жизнь. Люди очень чувствительны, когда речь идет о них; малейшая критика ранит их, особенно если попадает по больному месту. Из пустяковой сплетни может родиться смертельная ненависть.

Не идеи, а темпераменты и натуры сталкиваются между собой. Человек агрессивный, вспыльчивый, сварливый, несговорчивый шокирует человека спокойного, беспристрастного, доброжелательного и мирного. Тот, кто презирает всех людей, особенно презирает того, кто старается их любить. Человек умеренный приводит в отчаяние фанатика. Вы всю жизнь будете встречать людей, о которых с удивлением скажете: «За что он меня так не любит? Я же ему ничего не сделал». Ошибаетесь! Вы нанесли ему самое тяжкое оскорбление: вы — живое отрицание его натуры.

Как вести себя с врагами? Не отвечайте ненавистью на ненависть. Ненависть — тягостное чувство, нагоняющее тоску, а подчас приводящее в ярость. Если вы решите отомстить, это вызовет ярость вашего врага, и так без конца; вражда отравит вам жизнь. Перед вами два пути. Если вас оболгали, сделайте хоть одну попытку рассеять недоразумение. Вас могут помирить общие друзья. Всегда можно договориться забыть о том, что произошло: кто прошлое помянет... В этом случае не стоит прибегать к прямому объяснению, чтобы не поссориться снова. Пожмите друг другу руки (рукопожатие — древний символ мира) и забудьте о том, что было. Я знаю прочные дружбы, построенные на обломках былых обид. Прощать надо молча — иначе это не прощение.

Если же, наоборот, жизнь столкнет вас с человеком по-настоящему злым, то есть с беднягой, не способным посмотреть правде в лицо, ожесточенным, черствым,— порвите с ним. Из вашего общения не выйдет ничего путного. Пусть даже ваш противник не лишен достоинств и пользуется уважением окружающих — раз вы оба так устроены, что не переносите друг друга, забудьте о мире. Лучше прямой разрыв, чем кисло-сладкий компромисс. Пусть вами движет не злопамятность, а желание соблюсти моральную гигиену. Скажите: «Я предпочитаю с ним не видеться, чтобы не выходить из себя». Будем общаться с теми, кто нас любит. Те, кто ненавидит нас, подавляют и унижают нашу душу. Да и о чем говорить с врагами: «В споре рождается истина, лишь если спорят друзья. Да и то не всегда...» Я имею в виду: лишь если спорящие стоят на одних и тех же позициях в принципиально важных вопросах и относятся друг к другу с уважением и даже с восхищением.

Что же касается чудовищ, прилагающих все силы, чтобы навредить (есть и такие), обращайтесь с ними как с дикими зверями. Повторяю еще раз: ни грамма ненависти — она только унизит вас, а их все равно не изменит. Не ненависть к Гитлеру уничтожила Гитлера, а самолеты и танки. С их помощью люди окружили логово и поймали зверя. Пожив с мое, вы поймете, что на жестокость нужно отвечать жестокостью. В непротивлении злу насилием есть своя прелесть, но оно на руку подлецам. Важнее всего предотвращать жестокость, всеми силами борясь с ее проповедниками. В мирное время толпа нередко идет на поводу у пророков «короткой и приятной» войны. Меж тем на деле войны, которые мы пережили, разрушили то, что было создано трудами многих поколений; после них остались лишь груды трупов да развалины.

Сегодня у нас, на Западе, твердят, что старые формы обветшали, что новая живопись возвещает конец всякой живописи, что традиционным архитектурным формам нет места в современных городах, что новый роман провозглашает гибель романа, что писать рассказ с сюжетом — преступление, что отпала нужда в описании чувств...

В мире творятся немыслимые безумства. В английских газетах сообщалось о концерте тишины, который дал однажды некий безвестный пианист. Шумная реклама сделала свое дело — в день концерта зал был полон. Виртуоз тишины садится за рояль и играет, но, поскольку все струны сняты, не раздается ни единого звука. Люди в зале косятся друг на друга, каждый ждет, что сделает сосед, и в результате вся аудитория сидит не шелохнувшись. После двух часов гробовой тишины концерт оканчивается. Пианист встает и кланяется. Его провожают бурными аплодисментами. На следующий день виртуоз тишины рассказывает эту историю по телевизору и в заключение признается: «Я хотел посмотреть, как далеко простирается человеческая глупость; она безгранична».

Я бы сказал, не столько глупость, сколько слабость. Эти слушатели знали, что они ничего не слышат, но боялись показаться старомодными. Я называю «снобами» людей, которые притворно восхищаются тем, чего в действительности не любят и не понимают. Снобизм — это порок. Вам предстоит пусть не изжить его окончательно (это невозможно), но хотя бы по мере сил бороться с ним и его пагубными последствиями.

Поймите меня правильно. Я вовсе не противник новых форм в искусстве. Всякое потрясение полезно, оно пробуждает от спячки. Потрясение — неотъемлемая часть произведения искусства. То, что одна эпоха считает непонятным, для следующей эпохи становится общим местом. Я прошу вас только о двух вещах: не презирать мастеров прошлого; если слава их дошла до нашего времени, значит, они это заслужили. Отстаивайте новые формы только в том случае, если вам они действительно нравятся. Общественное мнение — ненадежный проводник. Слушайтесь вашего вкуса, уважая в первую очередь тех авторов, которыми восхищались до вас бесчисленные поколения.

Если вы хотите создать нечто великое, в литературе ли, в науке, в политике или в промышленности, отдайтесь созиданию целиком и полностью. Что бы вы ни избрали, правила остаются прежними. Нужно «уметь быть великим и в малом». Вчера я видел, как работает один молодой книготорговец, больной полиомиелитом. Величие этого человека проявлялось во всем: в выборе книг, в советах клиентам, в предпочтении одних авторов другим, в отношении к читателям.

Понимаете? Главное не «преуспеть» в смысле «блистать». Это приложится — или не приложится — в зависимости от обстоятельств. Главное — отдать все силы избранному делу. Цель в том, чтобы иметь право заглянуть в свою душу при свете совести, убедиться, что сделанным можно гордиться или по крайней мере не краснеть за него. Приятно на старости лет жить в почете. Однако если жизнь ваша сложится ина-

че — не огорчайтесь; важно, чтобы вы могли сказать себе: «Я всегда поступал так, как подсказывали мне разум и совесть». Хорошо делать свое дело, не ища славы, наслаждаться жизнью — один из путей к счастью. Однако это подходит только душам, чуждым всякого честолюбия. Отказываясь от карьеры, человек должен быть твердо уверен в своих силах и не испытывать потребности самоутверждаться в борьбе с соперниками. Если вы чувствуете в себе задатки ученого, писателя или художника, не вступайте на проторенный путь, идите своей, одному вам известной тропой, которая, быть может, приведет вас на вершину. Если же вы хотите просто сделать карьеру, то не пренебрегайте поддержкой коллег.

Чем бы вы ни решили заняться, необходима культурная база. Быть культурным — не значит знать обо всем понемногу; не значит это и знать все о чем-нибудь одном; быть культурным — значит изучить как следует произведения нескольких великих людей, проникнуться духом их творчества, сродниться с ними.

Не думаю, что стоит стремиться к эре полной праздности. Прекрасно, конечно, что люди больше не работают, как в дни моей юности, по десять-двенадцать часов в день. Шесть часов? Допустим, шесть, это немного, но еще терпимо — ведь к рабочему времени прибавляется время на дорогу. Каждый из нас сможет уделить три-четыре часа в день чтению, садоводству, детям, сможет заниматься спортом, ходить в театр и в гости. Представьте себе двух-трехчасовой рабочий день. Боюсь, как бы люди не почувствовали тоску и неприкаянность. Вся прелесть досуга — в контрасте между работой и отдыхом. Сегодня нам доставляет огромное удовольствие отойти от станка или отложить в сторону бухгалтерскую ведомость, чтобы заняться спортом, взяться за книгу или отправиться в путешествие. В тот день, когда никакая работа не будет прерывать наш досуг, над нами нависнет угроза скуки.

Верю, что любовь украсит ваш досуг, но не думаю, что она заменит вам все. Тяга к искусству, спорту, путешествиям гораздо долговечнее.

Хочу посоветовать вам смолоду выбрать какой-нибудь вид спорта и овладеть им в совершенстве. Спорт — бескорыстная деятельность, которая чудесно заполняет свободное время.

Нужно ли вам овладевать каким-нибудь искусством? Искусство — не игра; самое великое искусство является одновременно и самым серьезным. Оно освобождает душу и приносит ей покой. Искусство даст вам то, в чем отказывает жизнь,— мир, «внятный не уму, а чувствам».

Ваш сверстник полагает, что время, когда компьютеры и машины будут делать все, а мужчины и женщины будут дни и ночи напролет предаваться спортивным играм и занятиям искусством, не за горами, следовательно, важно уже сейчас сократить рабочий день и снизить пенсионный возраст. Я не согласен с ним. Я что-то не вижу, чтобы человечество изнывало от изобилия. Не рано ли отказываться от труда?

А теперь побеседуем о женщинах. «Невозможно жить ни с ними, ни без них». Без женщин вам жить не придется — вы будете жить с ними. Они прекрасны. Даже на старости лет они по-прежнему вызывают умиление. Кто не испытал юношеской любви, чувствует себя обделенным и никогда не утешится.

Вы спрашиваете: «Но смогу ли я понравиться? И главное, смогу ли я понравиться той, которая нравится мне?» Утешайтесь тем, что женщины задают себе те же вопросы. Они хотят нравиться еще больше, чем вы. Если вы хороши собой, неотразимы, вас ждет больше побед, чем надо. Если вы не таковы, не отчаивайтесь. Есть некрасивые, но приятные своей оригинальностью лица. А главное — человеку галантному женщина простит любое уродство.

Честолюбец возразит: «У меня нет времени играть в игрушки. Работа и карьера требуют полной отдачи».

К чертям карьеру! Время, проведенное с женщиной, нельзя считать потерянным. Мужской ум нуждается в общении с женским. Конечно, современные женщины непохожи на женщин моей молодости, они все больше и больше уподобляются мужчинам, но это всего лишь дань пошлой моде. «Они получают такое же образование; они занимаются точными науками, спортом; они имеют право избирать и быть избранными. Обращаться с ними как с низшим полом — своеобразный расизм». Я вовсе не советую вам обращаться с ними как с низшим полом; я хочу, чтобы вы обращались с ними как с другим полом.

Брак «по расчету» оборачивается благом только в том случае, если есть надежда превратить его в брак по любви. В противном случае это брак не по рассудку, а по безрассудству. Запомните: доброе сердце, живой ум, общность вкусов важнее, чем прелестное лицо. Писали, что красота сулит счастье, но красота без достоинств души обманет ваши надежды.

Презирать деньги легко человеку богатому или тому, кто лишен потребностей. Но есть ли люди, начисто лишенные потребностей? Самая неприхотливая старушка должна где-то жить, как-то отапливать это жилье, что-то есть. Я думаю, вы будете нормальным человеком; вам придется содержать жену, детей, а о своей семье вам в любом случае придется заботиться самому.

Выработать правильное отношение к деньгам очень трудно. С одной стороны, глупо их презирать. Раз люди тысячелетиями использовали эти знаки, которые можно обменять на товары или передать другому лицу, значит, они не могли без этого обойтись. Социалистическое общество тоже платит трудящимся заработную плату, поощряет хранение денег в сберегательной кассе и предоставляет людям все больше возможностей тратить деньги в соответствии со своими вкусами. С другой стороны, быть рабом денег низко.

В конечном счете я счастлив, что живу в нашу удивительную эпоху. За эти полвека человек постиг больше секретов природы, чем наши предки за двадцать тысяч лет, он открыл такие богатые источники энергии и стал таким могущественным, что сила его может его погубить; он исследует космос и плавает в межпланетном пространстве, он летает над Землей из города в город со скоростью в три раза большей, чем скорость звука, он строит машины, которые считают и планируют лучше, чем человеческий мозг,— все это прекрасно и очень увлекательно. Ваше поколение будет еще быстрее идти путем открытий. Вам многое предстоит: добиться в биологии таких же успехов, как в физике, разрушить механизмы наследственности... Работы хватит. Работы хватит надолго, навсегда. И чем дальше, тем яснее мы будем осознавать, как мало мы знаем.

В мире будут приключения для молодежи, которая их достойна. Просто это будут другие приключения. Вы жалеете, что не осталось неоткрытых земель; есть «открытые» земли, о которых мы почти ничего не знаем. Морское дно ждет своих пионеров. А также поле наук и искусств. Многое уже открыто? Да, но еще больше остается открыть. Многое уже написано? Да, но еще больше остается написать. Организовать Дом культуры, научно-исследовательское общество, народный театр, разве это не приключение? Снять в двадцать пять лет, без гроша в кармане, лучший в мире фильм, разве это не приключение? Перестаньте твердить молодежи, что она несчастна; она сделает все необходимое, чтобы стать счастливой.

Сокращенный перевод с французского
О. ГРИНБЕРГ

Андре Моруа (1885—1967) — известный писатель, член Французской академии. Его перу принадлежат романы, новеллы, литературно-критические эссе, книги по истории, воспоминания. С неизменной симпатией писатель относился к нашей стране, где неоднократно переводились и издавались его произведения, охотно и часто выступал на страницах советской печати. Предлагаемое читателям «Ровесника» для обсуждения «Открытое письмо молодому человеку о науке жить» (полностью будет опубликовано в сборнике «Надежды и воспоминания», который готовится к печати в издательстве «Прогресс»), написанное умудренным жизнью человеком, участником двух мировых войн, не представляется тем не менее ни бесспорным, ни исчерпывающим, что видно из публикуемых ниже высказываний участников международного лагеря студентов — стипендиатов КМО СССР, ВФДМ и МСС, которые познакомились с советами маститого французского писателя еще в рукописи.

Антула ГЕОРГИУ, студентка V курса Одесского медицинского института (Кипр)

Я могу согласиться с Моруа, что только человек, который живет для других, может считать свою жизнь полной и настоящей. Но при одном условии: если под «другими» имеется в виду родина и ее народ. Женщина, воспитывающая детей патриотами, живет для других, даже если она не занимается никакой общественной и политической деятельностью.

Роль женщины очень трудная: она и мать, и жена, и патриотка. Во время войны или борьбы за свободу родины она самая большая героиня, она отрывает от себя сына и посылает его воевать. А ведь есть возможность, что он не вернется. Она не просто думает о других, она ради родины отдает свою жизнь, потому что мать ведь живет жизнью своих детей. Когда человек отступает от своих взглядов, он унижает себя, а мать не может видеть своего сына униженным.

Андре Моруа дает молодым людям совет, как вести себя с врагами. У меня личных врагов нет. Если человек мне несимпатичен или я ему несимпатична — что делать? Если придется вместе работать, мне кажется, я буду стараться не обращать внимания, а в жизни не будем встречаться.

Если же враг классовый, с ним нельзя договориться. У нас на Кипре очень много богатых домов пустует. Их владельцы в них не живут. Разве можно с ними договориться, чтобы они пустили туда пожить беженцев, таких же киприотов, как и они? Сейчас на Западе очень модно говорить, что люди разных классов делают одно дело, что они могут жить без классовых конфликтов. Это не так. Это обман.

Что касается верности женщине, то тут я не согласна. Перевоспитать женщину невозможно. Если люди любят друг друга, то и перевоспитывать друг друга им не нужно. Лучше искать общее, важное для обоих. А если такого общего нет, воспитывай не воспитывай — жизни не будет.

Женщина не должна заниматься только домом. Это неинтересно ни для нее самой, ни для ее детей, ни для мужа. Если она занимается только домом, у нее не будет духовной близости с мужем, с детьми. А без этого семья распадается.

Я согласна с Моруа, что деньги требуют разумного отношения к ним. Например, такой вопрос: помогать детям или нет? По-моему, помогать надо, но в разумных пределах. Эта помощь должна определяться необходимостью. Если родители не знают меры, они растят эгоиста и потребителя. Когда дети учатся, им надо помогать. Но я против того, чтобы молодые люди, неспособные обеспечить себя, женились или выходили замуж. На плечи родителей ложится двойной груз. Ведь можно и подождать. А если девушка ждать не хочет? Значит, она не любит.

Антонио Фонтеш ПЕРЕЙРА, студент III курса Одесского гидрометеорологического института (Ангола)

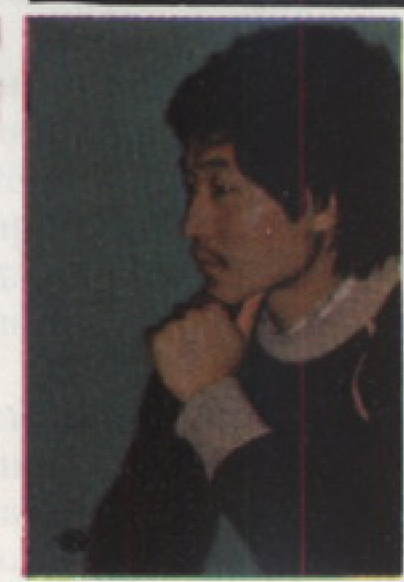
Вести спор до тех пор, пока найдем правду? Правду люди из разных слоев общества видят не одну и ту же. Очень трудно убедить человека, чтобы он отдал свою землю. Он сразу врагом станет.

В обычной жизни мы считаем врагом того, кто сделал нам что-то плохое. Но если широко подходить к этому вопросу, то надо говорить о классовых врагах. А тут уж действуют свои законы, и советы Моруа не годятся.

Французский писатель пишет об успехе, о карьере как настоящий представитель буржуазного общества. Прежде всего надо решить, что такое карьера? Стать генералом, чтобы защитить свой народ, страну или чтобы носить красивую форму? Стать директором, чтобы завод работал лучше или чтобы свою власть утвердить, лучше самому жить? Вот в чем вопрос. Собрать все силы в кулак, лезть со ступеньки на ступеньку по служебной лестнице? Я против такой карьеры. Но мне нравится хорошо работать, и мне говорят, у тебя есть способности, ты можешь стать директором. Что делать? Отказываться? Но меня же учили, на меня рассчитывали. Человек всегда хочет знать больше, уметь больше — это естественно.

Верность родине, своему делу, своим взглядам — основа нашей жизни. Но главное — человек должен быть верен себе. Если он сам себя обманывает — никогда не будет верным другим. Верность любимой женщине. Конечно, если увидишь, что она не такая, как ты думал, можно попробовать ее перевоспитать, но это трудно. Она взрослый человек. Надо проверить себя, свои чувства, найти то, на что смотрим одинаково, что нас объединяет. А может быть, лучше расстаться: она будет счастлива с другим, он с другой. Без любви человек бедный. Самые красивые песни, стихи про любовь. А как понравиться любимой, увы, тут советы не помогут. Каждый должен действовать самостоятельно.

И еще я хотел сказать: никогда нельзя отвечать жестокостью на жестокость. Ни на государственном, ни на человеческом уровне. Например, на Анголу все время нападают расисты ЮАР. Они провоцируют нас на войну. Но нам не нужна война, нам не нужна чужая территория. Наш народ хочет строить дома, школы, больницы, заводы. У нас много работы. Мы отражаем атаки расистов, защищаем свою землю, а сами не нападаем. Мы не бомбим их деревни, их школы, с нашей стороны нет жестокости. И с пленными наши люди не ведут себя жестоко. Хотя, конечно, мы не любим расистов. Они наши враги.

Батмунх СУХБААТАРЫН, студент IV курса факультета журналистики Московского государственного университета (Монголия)

В Монголии есть поговорка, перевести ее можно примерно так: если человек любимым делом зарабатывает свой хлеб, он счастливый человек. Я знаю одного старого человека, он строитель, сорок лет строил дома, ушел на пенсию, его два сына теперь строят дома. У старого строителя нет орденов, нет никакой славы, но он счастливый человек. Можно ли сказать, что он жил для других?

Вот представьте себе высокие горы. Ты лезешь вверх, тебе трудно, но ты лезешь и лезешь. И вот вершина, ты счастлив, ты чувствуешь себя победителем. Ты преодолел себя: свою лень, свой страх, свою слабость — и в этом победа. Человек живет ради других, когда он преодолевает себя ради дела, нужного всем.

У меня такое впечатление, что молодой человек, который попросил у писателя «воспитательное письмо», живет на необитаемом острове. Для жизни в каком обществе Андре Моруа дает советы? Если в капиталистическом, они невыполнимы: нельзя там молодому человеку выбрать дело по вкусу, по крайней мере молодому человеку из бедных слоев. Даже просто дело, то есть работу, попробуй найди. А если парень из буржуазной семьи — его будущее тоже разлиновано, как тетрадка, что ему можно делать, что нельзя. Когда кто-нибудь вырывается за рамки среды — о тех пишут романы как о героях. Для социалистического общества, по-моему, советы Моруа тоже не все пригодны. Мне трудно это доказать, но они очень индивидуалистичны. Этот молодой человек, как предполагается, ставит себя, свою личность превыше всего. Все, чем он будет заниматься (даже думая о других), он будет делать, чтобы ему было хорошо. А ведь человек может и отказаться от своих планов, чтобы участвовать в выполнении планов своей страны. И это не жертва. Это тоже, по-моему, дает удовлетворение.

Абдассалам МАХМУД,
студент IV курса Ленинградского политехнического института (Сирия)

Богатые не могут думать о других. Они могут думать только о своем богатстве, чтобы не потерять его, чтоб его стало больше. Они как будто не видят, что у людей вокруг них нет еды, одежды, крова, родины, не понимают: человеку плохо, ему надо помочь. У них глаза так устроены: они видят только деньги, земли, дома.

Только трудящийся человек понимает, что другому плохо, и помогает ему. И когда он идет на забастовку или на демонстрацию, он тоже думает не только о себе, а и о других тоже. Моруа считает, что, если у человека хватит смелости захотеть, он может изменить свое будущее. Разве миллионы молодых ребят в Англии, в ФРГ, в США не хотели бы изменить свое будущее — зарабатывать деньги, жениться на любимой девушке, овладеть в совершенстве каким-нибудь ремеслом? Последовать всем мудрым советам Моруа? А они вместо этого слоняются без дела, многие из них впадают в отчаяние, опускаются на дно. А в газетах читают: перспектив на новые рабочие места нет, да и старые рабочие места сокращаются каждый день. Как может быть семнадцатилетний человек «всегда в форме», когда ему все вокруг говорят: «Ты не вовремя родился, ты никому не нужен, места тебе в этой жизни нет».

Насчет врагов. Если двое любят одну девушку, значит, они враги? Не знаю, наверное, друзьями им быть трудно. Врагом можно назвать только капиталиста или врага моего народа, а в быту какие враги? Моруа говорит, не идеи, а темпераменты или натуры делают людей врагами. Он прожил долгую жизнь, у него, конечно, большой опыт. Но разве нельзя простить человеку скверный характер? А разве можно простить человеку предательство?

Куе ЧАН ТХИ,
аспирантка Ташкентского сельскохозяйственного института (СРВ)

Я думаю, никогда не надо отвечать жестокостью на жестокость. Если человек тебя обидел, нельзя ему мстить. Тогда зло никогда не кончится. Все и будут без конца мстить друг другу. И даже на войне человек должен помнить, что он человек, а не дикий зверь, хищник. Американцы сжигали наши деревни, в домах горели живые люди, дети. Они сбрасывали бомбы на поля, на мирных крестьян. Они травили нашу землю и наших людей страшным ядом «орандж». Должны ли мы их ненавидеть? Я думаю, нет. С нами воевали не американцы, а империализм, которому ведь служила и вьетнамская буржуазия. Мы ненавидим империализм, а не американцев. Никто не может сказать, что вьетнамцы мстили пленным американцам. Американские летчики попадали в плен, и мы с ними обращались как люди с людьми. Мы им не мстили. Потому что наше дело справедливое: мы не были злые. Это они были злые, пытали и мучили наших пленных. Они на пленных свою злобу применяли, потому что чувствовали, что в этой войне они потеряли свое человеческое лицо.

О верности выбранной профессии. Я мечтала быть врачом. Но мне сказали: родине нужны экономисты сельского хозяйства. Я стала экономистом. Я старалась учиться хорошо, учиться плохо было бы стыдно, ведь мне созданы все условия (вот вы говорили, что я хорошо играю в волейбол. Если бы моей маме это сказать, она бы рассердилась: «Тебя послали учиться, а ты мяч гоняешь». И я бы ее поняла, по-своему она права). Я думаю, когда начнется практическая работа и я увижу результаты своего труда, я полюблю свою профессию.

Что же касается верности женщине. Не надо перевоспитывать друг друга, надо постараться понять. А взрослого человека перевоспитать нельзя. Его можно только подавить. Человек потеряет свою личность... И тогда с ним неинтересно жить всю жизнь.

Абдель Салам Омар ТУРКМАНИ,
студент II курса отделения журналистики Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Ливан)

Я думаю, только революционер живет ради других, ради своего народа и всех людей. Советские солдаты во время войны погибали ради всех людей, чтобы не было фашизма. А гитлеровские солдаты думали, что они умирают ради чести Германии. Их обманывали. И это очень страшно, человек отдал жизнь ради плохого дела, ради зла. Поэтому я думаю, что только революционер, коммунист живет ради других. Иначе человек думает, что он живет ради своей страны, а на самом деле он приносит вред своей стране: буржуазная власть становится крепче.

Меня отец хотел в медресе отдать, муллой сделать. Брат отца, мой дядя, в Мекку ездил, белую чалму носил, его ходжа называли. А другой мой дядя, матери брат, в семье все говорили, неправильно живет, в городе стал коммунистом, а коммунисты — враги ислама. Потом приехал дядя, слушал я его раскрыв рот, что-то понял, что-то нет. В следующий раз дядя привез мне «Манифест Коммунистической партии». Я прочел и говорю отцу: «Зачем тебе большой дом? Когда наша революция победит, мы у тебя дом заберем, а тебе комнату дадим». Отец кричит матери: «Это все твой брат! Совсем мальчишку дураком сделал». Отец дядю своим врагом считал, а теперь благодарен ему, жизнь ему объяснила; что коммунисты все правильно видят.

Нельзя всех в классовые враги записывать, крестьяне, например, просто необразованные, им дольше разъяснять надо.

Моруа считает, что не идеи, а характеры сталкивают людей. Это даже смешно читать: у нас самый темный крестьянин понимает, что от богатых, от шейхов, королей ничего хорошего ждать не приходится. В этом вопросе у Моруа непонимание законов и уроков истории. И хороший пример: как даже умный и честный человек, если стоит на буржуазных позициях, не понимает, что происходит в мире.

Федра МАЛАНДРИ,
студентка II курса факультета журналистики Ленинградского университета (Греция)

Андре Моруа подходит к жизни с христианских позиций, это сразу чувствуется. А «разобраться, что представляет собой окружающий нас мир», можно только с классовых позиций.

Конечно, можно сказать: «жить ради своей страны, ради женщины, ради творчества». Но есть одно, что выше всего,— это родина. А женщина, мать и родина — это одно, их нельзя разде-

Итак, первая дискуссия состоялась. Вполне понятно, что в ней затронуты далеко не все темы, поднятые в письме. Круг их значительно шире. Вне дискуссии остались, к примеру, такие вопросы: стареют ли моральные ценности! Что значит быть культурным человеком! Может ли личность повлиять на ход истории! В чем достоинства и недостатки свободного времени! Какой престиж можно считать престижным! Как следует относиться к моде! Для чего человеку спорт! Какое искусство можно считать подлинно современным! И многие другие.

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ВАШЕГО СЛОВА, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

лить. Так было еще в древней Спарте. Нельзя посвятить себя женщине, предав родину, такой человек может предать и свою любовь. С ним страшно.

Посвятить себя творчеству — тоже ведь получается по-разному. Если творчество ради славы, ради денег, ради уважения к самому себе — это ведь будет в конечном счете творчество ради себя. Такое творчество даже очень талантливого человека, по-моему, никому не нужно. Мы в лицее изучали «Апологию Сократа», Платон написал ее 2300 лет назад, а она современна, даже более современна, чем то, что пишут сегодня некоторые писатели. Сократ не думал о себе, он хотел, чтобы даже его смерть служила афинянам, чтобы они поняли, что такое добродетель, чтобы они научились думать над своей жизнью.

Если человек овладел своим делом, это приносит ему счастье. Так считает Моруа. И на первый взгляд с этим трудно не согласиться. Но ведь важно еще и кому, чьим интересам служит дело, в котором человек достиг мастерства.

Я учусь на факультете журналистики. Журналистика — очень гуманное дело, так же нужна людям, как, например, медицина. Врач лечит тело, а журналист лечит душу от неправды, от предрассудков. Он помогает людям понять друг друга, понять, что делается в мире. Если ему это удается, он счастлив.

В том городе, где я живу в Греции, есть школа для детей-сирот. Ее содержит религиозная организация. Журналист нашей городской газеты узнал, что там детям очень плохо. Он пошел в этот детский дом. Дети едят несвежую еду, их бьют. Совсем не учат. Богатые люди, которые дают деньги в эту религиозную организацию, берут детей на свои фабрики, и дети вместо уроков там бесплатно работают. Это нарушение наших законов. По закону директора школы и президента религиозной организации могли бы судить. Но судить будут журналиста и редактора газеты. Детей запугали, и те же дети, журналист их рассказы записывал на магнитофон, пришли в газету, и каждый руки держит вот так (по швам) и говорит тихим голосом: «Я был плохой мальчик, я был хулиган, меня в школе воспитывали, я стал хороший». И так одни и те же слова — все пятьдесят мальчиков и девочек. Я еще не знаю, что суд решил.

Журналист может в совершенстве владеть своей профессией, но весь вопрос в том, кому он служит. Тем богатым, которым не стыдно обижать сирот, или он работает ради будущего сирот?

Моруа подходит к политическим вопросам с позиций абстрактного гуманизма, забывая о классовых противоречиях. Нас с ним разделяет не возраст (я, например, классическую литературу и классическую музыку люблю больше, чем современную, и в этом мы с ним союзники. Но только в этом!), а идеология; мы люди разных политических убеждений: он либерал, мы коммунисты.

со страницы 13 ▼

вод «Союз»), большой многоквартирный дом, который возводят строители из ГДР, и тогда возникает указатель дороги на трассу.

Богородчаны заслуживают особого разговора и сами по себе и в связи с «уткой», пущенной в ФРГ. Западногерманское телевидение сообщило зрителям, что на строительство газопровода в СССР направляются люди, осужденные в ГДР к лишению свободы или находящиеся под следствием. Работают и живут они в ужасных условиях.

Во-первых, об условиях. Не надо задавать никому никаких вопросов. Все видно и так. Отличный городок (на большой палец, как любит говорить Хорст) — работа венгерских строителей газопровода «Союз». Он только расширен и обновлен. Прекрасная столовая-клуб, четырехразовое и весьма калорийное питание, кино, дискотеки, специальный культработник, получающий, между прочим, зарплату от Министерства культуры ГДР, удобные административные и жилые домики, новые оранжевые вагончики, рядом с которыми уже посажены и растут елки (когда успели?), удобная и красивая спецодежда, есть даже специальные теплые стеганые вставки в сапоги. Но главное — это веселые лица, уверенная манера держаться, разговаривать. Известно, что семнадцать тысяч добровольцев из ГДР вызвались участвовать в этой стройке. Жесткий конкурсный отбор прошли те, кто имел не только высокую квалификацию, но и рекомендации комитетов ССНМ. Предпочтение отдавалось тем, кто уже участвовал в строительстве «Союза».

«Ну ладно,— может сказать недоверчивый телезритель из ФРГ,— на немецком участке, возможно, все обстоит благополучно. Но уж сами-то русские, да еще в Сибири, не обошлись без заключенных». И тоже неправда. И поскольку аргументы морального характера могут убедить не всех, перейду сразу к экономическим. Сварщик на газопроводе зарабатывает в 2,5 раза больше, чем в других местах. Так что желающих работать добровольно вполне достаточно.

Конгресс США принял резолюцию, в соответствии с которой введенные санкции следует отменить, если президент в течение 90 дней не представит доказательства применения принудительного труда на газопроводе. Судя по всему, добыть такие доказательства не удалось ввиду полного их отсутствия.

ЦК СЕПГ, поручая строительство объекта молодежи, поставил перед Центральным Советом ССНМ четыре основные задачи.

— Вот коротко их суть,— рассказывает руководитель штаба ССНМ на Центральном молодежном объекте Ивано-Франковского участка Бернд Уве Цёльтер.— Первое — превратить Центральный молодежный объект в центр коммунистического воспитания. Для этого привлекать всех строителей к активной общественной жизни, к занятиям в кружках марксистско-ленинской подготовки. Бригады не только соревнуются за право носить имена погибших героев, но и включают героев в свои ряды. Вторая задача. Работать на объекте с высокой эффективностью и качеством. Для этого мы изучаем и распространяем передовой опыт, организуем кружки научно-технического творчества молодежи. Действует лозунг: «Ежедневное перевыполнение плана — наш долг». Каждый имеет свой план на день, чтобы знать точный объем работы. У нас развернулось соревнование за сдачу рабочего времени государству. Если мы заканчиваем работу досрочно, значит, за оставшиеся рабочие часы или дни, запланированные на ее выполнение, мы можем выполнить дополнительную работу. Многие соревнуются за право сварить последний стык. И чтобы заслужить это право, каждый старается вовсю.

— Но если сварочные работы будут продвигаться быстрее, чем земляные...

— Здесь нам помогает «Рабочая эстафета», благодаря которой и земляные и сварочные работы ведутся в едином ритме. Мы собираемся строить так: каждый день — километр.

Третья задача — превратить стройку в кузницу высококвалифицированных кадров. И четвертая задача. Эта стройка должна стать примером высокой активности молодежи в общественной жизни.

Я выезжаю на линию, чтобы посмотреть, что происходит с трубами, которые варил на базе Удо. Сегодня меня сопровождает и помогает мне общаться Ханс Йорг Эффенбах. Он учился у нас, в одном из вузов Киева. Пока собираемся, ждем машину, едем на трассу, болтаем.

— Хорошо помню своих лучших преподавателей,— говорит Ханс Йорг.— Прекрасное время было. Так рад, что я снова в Союзе.

— Какое же самое яркое впечатление?

— Самое яркое? Пожалуй, природа. Я проехал по всему участку. Такая красота. Даже жаль вторгаться.

Ханс Йорг расстраивается зря. «Трубу» не только упрячут под землю так, что никто и не угадает, где она лежит, но и рекультивируют почву, то есть вернут на место плодородный слой, снятый отдельно и не смешанный с остальным грунтом.

Мы подъехали к начальной вешке. Нитка еще лежала рядом с траншеей, как гигантская рыжая железная сороконожка на небольших кучах земли. Вслед за нами подъехало несколько машин. Выяснилось: строители из ГДР сдавали нашему технадзору сварку. Молодой инженер технадзора Евгений Гофман придирчиво осматривал швы. Стороны обходились без переводчика. По лицам сдающих было видно, как Евгений строг, а по их молчанию было ясно, что совершенно справедлив.

Мы оставили комиссию решать свои

дела и поехали вперед. Где-то через километр сваривала нитку первая бригада. Один из сварщиков, отчеркивая мелком места, где шов требовал доработки, стучал по трубе, показывая на дефект, и говорил с чувством:

— Женя, Женя!..

Нетрудно было догадаться, о чем шла речь. Я подошел и объяснил, как мог, что Женя, Евгений Гофман, едет сюда. У сварщика сделалось лицо школьника, неожиданно вызванного к завучу. Но это, видимо, был хороший «школьник», потому что тут же улыбнулся и сказал:

— Женя? Хорошо! — То есть проверяй сколько хочешь, качество хорошее.

Женя — это только часть, и притом совсем небольшая, всех проверок и испытаний. Трубу зачищают и покрывают изоляцией — проверяют, как она действует. Но этого мало. Газопроводу страшна не только влага, но и электрический контакт с грунтом, блуждающие токи вызывают коррозию. Чтобы нейтрализовать их, вводят электрохимическую защиту. Затем надо проверить, не осталось ли что-нибудь внутри трубы. Для этого в нее загоняют резиновый пыж и с одной стороны накачивают газ или воздух. Пыж с огромной скоростью мчится по трубе, не оставляя в ней ничего, кроме стенок, а затем выстреливает из нее на расстояние доброго километра. И уже после этого начинаются испытания газопровода на утечку. Чаще всего для этого в трубу закачивают воду под давлением 82 атмосферы. Проверяют и газом. В таком случае утечку фиксируют приборы, установленные на специальном вертолете.

Мы доезжаем до конца нитки. Мне показалось, что дорога сегодня длиннее, чем вчера.

— А как же? — подхватывает Ханс Йорг.— Работа не стоит на месте.

Симпатичный сварщик Ханс Мюллер говорит, что имеет возможность похвастаться. Дефектоскоп разрешает отклонения в сварке на 0,6 процента. Сегодня контроль показал отклонение 0,0. Ханс опытный сварщик, строил «Союз». Он повторил для меня историю, которую уже не раз рассказывал друзьям. Они работали в районе Кременчуга и возвращались после смены в городок. По дороге автобус остановили неизвестные лица. Они хотели, чтобы все вышли из автобуса. Оказалось, это свадьба, и всех приглашали к столу.

— Трудно передать словами, как грандиозен был этот деревенский праздник,— говорит Ханс.— Такое гостеприимство!

Ханс гордится тем, что ему поручают самое сложное — потолочный шов. На трассе нет сварочных автоматов, как на базе, поэтому все зависит от мастерства и старания сварщика. Тут Ханс взглянул на часы и сказал, что не может больше говорить. Время веселых и даже серьезных разговоров истекло. Он встал и пошел к трубе.

Никаких событий за день не произошло, за исключением только одного, когда Генри Оверби в конце рабочего дня готовился уже закрывать окошечко кассы. Пересчитывая деньги, Генри вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Он поднял глаза и увидел самого Джошуа Типтона, президента банка, который стоял в дверях своего внушительного кабинета с панелями из орехового дерева и изучающе смотрел на него.

Затянувшееся внимание со стороны мистера Типтона и его оценивающий взгляд был замечен, и все сослуживцы Генри начали украдкой посматривать в его сторону.

Несмотря на все учащающийся пульс, Генри никак не выказал свой страх. С подобающим уважительным наклоном головы в сторону мистера Типтона он продолжал работать.

Работа в других кассах почти прекратилась, когда мистер Типтон самолично пересек зал и остановился у окошечка Генри.

— Как жизнь, Оверби? — кивнул он Генри с приветливым выражением на суровом аскетичном лице.

— Прекрасно, мистер Типтон. А как вы себя чувствуете, сэр?

— Хороший был день?

— Очень хороший. Рад доложить.

— Многие наши клиенты, кажется, явно предпочитают вас, Оверби. Им нравится, как вы их обслуживаете.

— Стараюсь обслуживать быстро, мистер Типтон.

— Похвальное отношение.— И он резко окинул взглядом другие кассы, работа в которых возобновилась с удвоенным рвением. И уже совсем не строго мистер Типтон вновь посмотрел на Генри.— Вы у нас работаете довольно долго, не так ли, Оверби?

— Пять лет, сэр.

— Срок, как раз необходимый для обкатки в нашем банковском деле.

— Время,— смело заговорил Генри,— это только одно мерило. Но важно еще и то усердие, с которым работник относится к делу.

— Совершенно верно. Часто болели, Оверби?

— Не пропустил ни одного дня, сэр.

Президент еще раз изучающе задержал взгляд на Генри, а затем, прочистив горло, произнес:

— Ну что ж... Приятно было потолковать, Оверби.

— И мне тоже, мистер Типтон.

Генри удавалось сдерживать свои чувства до тех пор, пока он не очутился один на один в своей чистенькой, почти пустой холостяцкой квартире. Сначала он поставил на проигрыватель очень сдержанного Брубека и очень темпераментного Расти Уорена, а потом отмерил из крошечной бутылочки, которую купил по дороге домой, точно унцию [1] виски, чтобы отпраздновать событие. Совсем непохожий сейчас на ту щуплую банковскую посредственность по фамилии Оверби, Генри нахально загорланил, а потом грубо загоготал, поняв, что перекрыл голос Расти Уорена, доносившийся из слабенького проигрывателя. Он протанцевал в маленькую кухоньку и запрятал виски для особо торжественных случаев: унцию на день рождения, унцию на рождество и две унции на Новый год.

Как всегда, на подоконнике, важно расхаживая и воркуя, появились голуби. Генри насыпал им щедрую порцию сухого печенья.

— Ешьте досыта, друзья,— обратился он к взмахивающей крыльями стайке,— а однажды наступит день, когда вы получите торт!

Конечно же, думал он, поджаривая на ужин тонкий рубленый бифштекс, сегодняшняя беседа с мистером Типтоном должна иметь весьма определенные последствия. Мистер Дорси Фезерстоун, старший кассир, будет назначен вице-президентом банка. Но до нынешнего дня было неясно, кого же сделают старшим кассиром.

Когда я буду старшим кассиром, думал Генри, я буду пользоваться полным доверием и получу доступ к тому самому заветному сейфу. Его замысел, задуманный пять лет назад, близился к исполнению. Все эти пять лет он работал и ждал. Прошедшие годы теперь казались ему далекими и нереальными. Он уже и не помнил того тщедушного близорукого заморыша, который после смерти родителей мыкался, никому не нужный, от одного родственника к другому и очень рано научился таить и свои страхи, и свои надежды.

Получив аттестат об окончании средней школы, Генри на следующее утро поднялся еще затемно и крадучись выскользнул из дома дяди с тем, чтобы уже никогда туда не возвращаться.

Последующие годы Генри постигал жизнь, переходя с одной случайной работы на другую. Он работал продавцом в магазине скобяных изделий, когда услышал о вакансии в банке. Скромный, опрятный, вежливый, он произвел на мистера Джошуа Типтона, тогдашнего вице-президента, впечатление молодого человека, чьи немногочисленные желания и потребности просты и непритязательны.

Ничегошеньки он не понял, хихикнул Генри, переворачивая на сковородке свой ужин — тонкую лепешку рубленого мяса. Сиротское, полное обид детство выработало у Генри такое сильное желание добиться положения в обществе, что в своих снах он постоянно видел себя то выдающимся государственным деятелем, то известным филантропом, организующим сказочное поместье для сирот, то знаменитым исследователем, пробирающимся вверх по Амазонке. Деятельная натура Генри не могла довольствоваться одними сновидениями. Положения в обществе, рассуждал он, можно добиться только с помощью богатства, а посему шансов стать государственным деятелем, филантропом или путешественником у него почти не было.

[1] *Унция — примерно 29 граммов.— Примеч. пер.*

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОГРАБЛЕНИЕ

Толмадж ПАУЭЛЛ,
американский писатель

Рассказ

Он сосредоточил свои тайные замыслы на четырех престижных символах: солидный дом, членство в привилегированном клубе, огромный дорогой автомобиль и дорогая, немного высокомерная жена с хорошей родословной и необязательно красивая. Не случайно жена замыкала список. Он просто смотрел на жизнь трезво, оценивая вещи в их естественном порядке.

Условие успеха всех этих устремлений было достаточно банально: деньги, деньги, деньги. Много денег, чтобы уехать далеко-далеко, сменить фамилию, начать новую жизнь. Надежд заполучить так много денег у него не было, хотя он и работал в банке. Но эта работа с самого начала привлекла его по двум причинам. Кассир банка — это более престижная профессия, чем продавец скобяных изделий. И еще, он любил ощущать деньги и ежедневно быть окруженным ими.

А потом однажды он увидел, как мистер Дорси Фезерстоун направляется к сейфу, где хранятся огромные богатства. И у Генри, вполне естественно, зародилась идея: «Если б я был на месте мистера Фезерстоуна, то в один прекрасный день я бы просто исчез... А они бы при ревизии обнаружили, каким богатым человеком я стал. При свободном доступе в сейф я бы мог запрятать банкноты большого достоинства в одежду, заранее подготовив пиджак и брюки, нашив потайные карманы и мешочки, а потом, надев пальто, пожелал бы всем, как всегда, всего наилучшего и вышел бы из банка настоящим золотым тельцом. А позже разменял бы банкноты где-нибудь в глубинке и переехал с этим богатством в какой-нибудь милый маленький городок, скажем, Вермонт. Кто бы догадался искать самого дерзкого грабителя где-то в Вермонте, да еще среди членов закрытого привилегированного клуба?»

Этот долго вынашиваемый план совсем не страшил его, а стал частичкой его самого, другой, тайной половиной его «я». Сейф, стоявший всего в нескольких ярдах от того места, где Генри работал каждый день, сделался для него больше, чем просто корпусом из закаленной стали и жароупорных сплавов. Со временем сейф превращался в своего рода тайное место хранения его собственного клада, хранилище надежд, ожидающее только того дня, когда Генри наконец предъявит права на свое богатство.

Рис. С. ТЮНИНА

Он был молод и мог ждать. В конце концов такой проворный и сообразительный служащий, как он, войдет в узкий круг доверенных лиц, которые вне подозрений, получит доступ к сокровищам. Он лелеял свою надежду и ждал, он не просто получал жалкое жалованье кассира — ежедневно пребывая рядом со своим сокровищем, он в каком-то смысле и сторожил его.

На следующее утро Генри проснулся в боевом настроении. Он соскочил с кровати, сделал несколько приседаний и двадцать пять ежедневных отжиманий без всякого напряжения, словно сгибал палец. Даже предстоящий день, первый день месяца, не угнетал его; в этот день банк выплачивал зарплату по бесконечным чековым поручительствам работникам текстильного и пищевого предприятий, расположенных в их районе.

Как всегда Генри пришел на работу на несколько минут раньше. Жалюзи на входной двойной двери были еще опущены, но он знал, что мистер Дорси Фезерстоун уже прибыл, встретил охранника и открыл дверь. Генри вошел и мгновенно остановился, почувствовав приставленный к лопатке небольшой круглый предмет.

— Это пистолет, парень! — проинформировал скрипучий голос.

Генри ошалело обвел глазами банк. Джадкинс, охранник, без пистолета и с шишкой на голове склонился над кожаным диваном, где после обморока приходил в себя мистер Дорси Фезерстоун. У противоположной стены был выстроен небольшой штат служащих под дулом пистолета приземистого мужчины в рабочем комбинезоне и резиновой маске обезьяны, закрывающей все лицо. Тот, за Генри, подталкивая его вперед, сказал:

— Будешь, друг, наполнять мешки.

— Давай поживей, ставь его на ноги,— зло заворчал на Джадкинса грабитель.— Пусть откроет сейф!

Сию минуту, встаю,— хныкающий голос мистера Дорси Фезерстоуна прозвучал словно из могилы.

Подталкиваемый в спину Генри видел, как на него наплывали клетки кассовых кабин. Краем глаза он заметил, как мистер Фезерстоун быстрыми шажками трусливо направился к сейфу. Мистер Фезерстоун откроет сейф, а эти подлые узурпаторы, жадные свиньи в обезьяньих масках присвоят сокровища, которым он, Генри Оверби, отдал пять лет жизни. Дикий крик вырвался из его глотки. Под мыском своего ботинка Генри почувствовал тугую кнопку тревоги, расположенную за кабинами касс. Завыла сирена тревоги. Прогремел выстрел. Истошно завизжала одна из служащих банка. Мистер Дорси Фезерстоун издал приглушенный крик и, теряя сознание, свалился на пол.

Генри смутно осознавал, что делает какие-то странные движения, хрипло выкрикивая что-то. Потом у него в руке появился какой-то предмет, который он схватил с полки в кабинете кассира, а затем, выставив вперед этот самый предмет, согнул указательный палец, и грохот выстрела потряс банк.

Постепенно приходя в сознание, Генри медленно открыл глаза и, морщась от боли, застонал. Врач, сестра и мистер Джошуа стояли у его кровати.

— Ну как ты, Генри? — произнес мистер Типтон, будто говорил с сыном.

— Они?..

— Нет, Генри. У них ничего не вышло, обоих поймали.

— Ему лучше теперь отдохнуть,— сказал врач.

— Я скажу ему кое-что, чтобы лучше отдыхал,— сказал мистер Типтон.— Когда ты вернешься в банк, Генри, то уже не будешь сидеть у окошка кассы. Жалкое поведение Дорси Фезерстоуна в критический момент убедило меня в том, что он недостоин быть вице-президентом. Твой опыт и стаж работы наряду с доказательством твоей глубочайшей преданности, думаю, даст возможность назначить тебя на пост вице-президента. Добро пожаловать в наши ряды управляющих, господин вице-президент!

— Гм,— промычал Генри, щуря один глаз и глубоко задумавшись. За пять лет ему полюбился банк. За исключением этой козявки Дорси, все другие служащие относились к нему неплохо. А мистер Типтон... этот человек с львиной внешностью мог, оказывается, проявлять еще и эмоции!

— У нас у всех должно быть такое чувство ответственности,— продолжал мистер Типтон.— Даже я, Оверби, должен учиться у тебя мужеству и той огромной преданности, которую ты продемонстрировал по отношению к нашему прекрасному банку.

Мысли понеслись у Генри легко и быстро, словно по касательной. В конце концов, и вице-президенты состоят членами привилегированных клубов. Они тоже приобретают солидные дома и имеют возможность заключать выгодные сделки. Вице-президент может вкладывать деньги, с умом манипулировать средствами, даже купить шикарный автомобиль и ухаживать за немного высокомерной веточкой от прекрасного родословного древа, пусть и не совсем красивой.

Тщеславие Генри заплясало, делая головокружительные прыжки. Мысль о краже денег из сейфа показалась ему просто ребячеством. Конечно же, это не к лицу Генри Оверби, вице-президенту, который по прошествии скольких-то лет займет тот самый кабинет, где сейчас царствует мистер Типтон.

— Да, Оверби,— голос мистера Типтона зазвучал с риторической пышностью,— мы гордимся, что у нас есть такой человек, как ты, с таким чувством долга, который относится к нашему благородному учреждению как к своей собственности. По словам Джадкинса, ты выразил это с большой страстью, хотя и не совсем связно.

— Я? — настороженно спросил Генри.

— Разве ты не помнишь? Ведь после того как в тебя выстрелили, ты упал, продолжая тем не менее кричать: «Вы не получите сокровища из моего сейфа, моего сейфа, моего сейфа!»

Перевел с английского Алексей АЗАРОВ

XIII Московский международный

Летом этого года в Москве состоится очередной, XIII международный кинофестиваль. Как всегда, он будет проходить под лозунгом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами». В год фестиваля мы расскажем вам о деятелях мирового кино, которые посвятили свою жизнь служению этим идеалам.

Г. ЧХАРТИШВИЛИ

Европейцы издавна называли Японию «страной меча и хризантемы», имея в виду самурайский дух и древнюю изысканную культуру. В предвоенные годы в империи хризантема была не в почете: Япония готовилась к борьбе за мировое господство, и в гимназиях воспитывали кадры для офицерских училищ. Во дворе одной из токийских гимназий в те годы можно было наблюдать такую сцену: инструктор по военной подготовке избивал вытянувшегося по стойке «смирно» долговязого гимназиста. Долговязый гимназист не скрывал своего отвращения к военным занятиям. Колотя подростка тренировочным бамбуковым мечом, инструктор кричал: «Какой же ты мужчина, если не любишь военного дела, какой же ты японец?!» Гимназисту следовало бы попросить прощения и пообещать исправиться, но он упрямо отвечал: «Да, я ненавижу военное дело. Все помешались на войне, а я хочу прославить свою страну чем-нибудь другим!»

Гимназиста звали Акира Куросава, ему суждено было стать одним из ведущих кинематографистов мира и после краха Японии меча прославить Японию хризантемы.

Вспоминая стычку с инструктором, Куросава говорил: «О том, каким будет фильм, можно судить уже по первым его кадрам. То же можно сказать и о моей жизни. Какой было ее начало, такова и она вся. Упрямство и дух противоречия определили мой жизненный путь».

Дерзкий ответ офицеру-инструктору дорого обошелся непослушному гимназисту. В характеристике Куросавы было написано: «Идеологически неблагонадежен». А это означало, что путь к дальнейшей учебе для него закрыт.

В кинематограф Куросава попал случайно. После гимназии он стал безработным. Однажды он прочитал в газете, что киностудия PCL (впоследствии «Тохо») объявляет конкурс на замещение должности ассистента режиссера. Акира решил, что это его шанс.

Японцу тридцатых годов профессия «киношника» представлялась сомнительной, поскольку кинематография как отрасль индустрии зрелищ и развлечений ассоциировалась с игорными домами, ночными клубами и даже гангстерами. В кино шли работать или авантюристы, или энтузиасты, а Куросава не был ни тем, ни другим — в то время он мечтал стать художником. В конкурсе на место ассистента приняли участие несколько сотен человек. В экзаменационном сочинении юный Куросава писал о необходимости вывести японское кино на международный уровень. Были в сочинении и такие слова: «Если вы меня не возьмете, японский кинематограф понесет невосполнимую утрату». «Чем черт не шутит»,— подумали, очевидно, члены конкурсной комиссии и отдали предпочтение Куросаве.

Его карьера в кино была нелегкой, ему долго не доверяли самостоятельной работы. Тогда он стал писать сценарии, но продюсеры не принимали их всерьез.

Он проработал ассистентом десять лет и за это время постиг все тайны кинематографа, его юношеское упрямство переросло в целеустремленность и в конце концов победило неудачи. Сначала его сценарии стали читать, потом ставить по ним фильмы, правда, с второстепенными актерами, а в 1943 году, когда военная звезда империи начала клониться к закату, один из продюсеров предложил молодому Куросаве самому поставить фильм по собственному сценарию с условием, что на съемки будет затрачена сумма, составляющая одну пятую от обычных расходов.

В рекордно короткий срок дебютант снял прекрасный фильм — без денег, без участия знаменитых актеров, без необходимого реквизита, на одном энтузиазме. «Сугата Сансиро» («Легенда о дзюдо») — исторический фильм, описывающий историю борьбы школы дзюдо со школой каратэ. (Советскому зрителю знакома картина «Гений дзюдо», снятая по тому же сценарию двадцать лет спустя одним из учеников метра.) Первую ленту Куросавы отличали изысканность, достоверность в воспроизведении атмосферы Японии конца прошлого века, а

АКИРА УПРЯМЫЙ

главное — гуманизм, особенно нужный для страны, измученной войной и диктатурой.

«Легенда о дзюдо» принесла молодому режиссеру успех, а его продюсеру — немалую прибыль, и отныне недостатка в заказах у Куросавы не было. В сороковые годы он снимал много, не всегда удачно, но всегда интересно. Это были поиски своего стиля. Куросава пробовал себя в различных жанрах: историческом («Наступающие тигру на хвост»), лирическом («Великолепное воскресенье»), детективном («Бездомный пес»), мелодраматическом («Скандал») и остановился на фильме психологическом. Отныне все картины режиссера вне зависимости от фабулы будут прежде всего о внутреннем мире человека, и углубленный психологизм назовут главной отличительной чертой творчества Куросавы. В этот период режиссер подобрал небольшую, но яркую группу молодых актеров, ставших звездами нового японского кинематографа. Это были Симура Такаси, снявшийся почти во всех фильмах Куросавы, актриса Хара Сэцуко, прославившаяся ролью Настасьи Филипповны в «Идиоте», а главное — Мифунэ Тосиро, прогремевший на весь мир.

К началу пятидесятых стиль Куросавы определился. Тогдашней японской критике он казался неестественным, американизированным. Режиссер действительно взял у западного кинематографа динамичность, не свойственную до этого японскому кино. Японские фильмы той поры отличались неторопливостью в развитии действия, невероятной обстоятельностью. Это было связано с традициями национального театра «Но» и «Кабуки». Однако динамичность и бурный драматизм фильмов Куросавы лишь подчеркивали черты истинно японского искусства — тонкий психологизм, недосказанность, подтекст, утонченную красоту и изящество эпизодов. То, что режиссер оживил действие фильма, принесло неожиданный результат: картины Куросавы стали понятны западному зрителю, через них весь мир вдруг оценил достоинства японского национального стиля, и кино Японии заняло почетное место среди ведущих кинематографий планеты.

Это «окно в японское кино» «прорубил» для мира фильм «Расёмон» (1950 год). Сценарий Куросавы связал воедино две новеллы классика японской литературы Акутагавы Рюноскэ, действие которых происходит в средние века. Событий в картине совсем немного: через чащу едет молодая самурайская чета, на них нападает разбойник, убивает мужа и совершает насилие над женой. Однако одна и та же нехитрая история преступления показана четыре раза — ее рассказывает жена убитого, разбойник, дух самурая, вызванный прорицательницей, и случайный свидетель — дровосек.

В описании женщины разбойник — зверь, свирепый и кровожадный, а она и ее муж — несчастные жертвы.

Разбойник, которого великолепно сыграл Мифунэ, попадает в руки стражников. На допросе он и не пытается отрекаться от содеянного. Он с упоением описывает схватку с самураем, свое бесстрашие, свое мастерство в обращении с мечом.

Но вот колдунья вызывает дух убитого самурая, и картина преступления предстает в ином свете. Оказывается, женщина умоляла разбойника убить ее мужа. Оказывается, настоящий герой схватки — смелый, гордый, благородный — это сам самурай. Он сражается как настоящий рыцарь, и разбойник побеждает лишь благодаря коварству да слепому случаю.

В устах дровосека вся история звучит по-иному. В его описании бой самурая с разбойником выглядит жалкой потасовкой трусов, смертельно боящихся друг друга. В них нет ни ловкости, ни храбрости, разбойник отнюдь не упивается боем, а в самурае нет ничего благородного. Зритель склонен верить версии дровосека — ведь он свидетель незаинтересованный, однако оказывается, что дровосек украл с поля боя драгоценный кинжал, а значит, верить ему тоже нельзя.

Философская идея фильма весьма сложна. Режиссер хотел сказать, что абсолютной истины не существует. Каждый из героев прав и не прав, лжив и правдив одновременно. Истина в трактовке Куросавы субъективна, как субъективно восприятие человеком действительности. И все-таки главное в картине не это. Когда уличенный в воровстве дровосек окончательно дискредитирован в глазах зрителя, он вдруг проявляет себя с неожиданной стороны. Он видит брошенного кем-то ребенка и, сам нищий и голодный, берет ребенка с собой, не дает ему погибнуть. Куросава как бы говорит: человек сложен, противоречив, часто он бывает жалок и гадок, но все же я верю в его доброту и благородство.

«Расёмон» вознес японского режиссера на вершину кинематографического Олимпа. В 1951 году фильм получил главный приз Венецианского фестиваля, в 1952 году — американского «Оскара», японское кино стало входить в моду. С тех пор Куросава неизменно включается в число десяти, пяти и даже трех лучших кинорежиссеров мира.

Получив признание, Куросава смог осуществить давнюю мечту — экранизировать свои любимые произведения мировой литературы. Так был создан цикл из трех экранизаций классики: «Идиот», «На дне», «Макбет» («Замок интриг»). Во всех трех картинах замечательно сыграл Мифунэ Тосиро, продемонстрировав, насколько богат и разнообразен его талант. В «Идиоте» он — Рогожин, в «На дне» — Васька Пепел, а в «Замке интриг» — Макбет.

Фильмы эти настолько же разные по стилю, насколько непохожи литературные произведения, ставшие их основой. Объединяет их одно — неожиданность режиссерского подхода. Прежде всего Куросава смело решил проблему, издавна мешавшую японским режиссерам экранизировать западную литературу,— несоответствие внешности японских актеров облику европейских героев. Действие всех трех фильмов было перенесено в Японию, герои получили японские имена и заняли понятные японцу места в обществе. Так, князь Мышкин стал Камэдой, человеком, в прошлом осужденным на расстрел и помилован-

ным в последний миг перед казнью; Васька Пепел преобразовался в японского вора Сутэкити; Макбет превратился в самурая Васидзу. Причем действие «Идиота» было перенесено в современность, «На дне» — отодвинуто на столетие назад, а «Замка интриг» — в эпоху междоусобных войн XVI века.

Куросава приблизил европейских классиков к японскому зрителю, сделал их героев понятными ему, а события и ситуации не чужестранными, а своими, близкими и знакомыми. И тогда то общечеловеческое, то великое, что и делает литературное произведение классикой, раскрылось перед японцами в полной мере.

Эти фильмы потрясли не только соотечественников. Куросава увидел три выдающихся произведения мировой литературы глазами японцев и открыл в них новое, неожиданное. Критика писала, что японский режиссер достиг необычайной духовной близости с Достоевским, сумел полностью передать глубину и человечность горьковской пьесы.

Однако наиболее интересной оказалась трактовка «Макбета». В первые послевоенные годы Куросава сделал экранизацию спектакля «Кабуки» «Наступающие тигру на хвост». Тогда он оживил приемы традиционного театра, несколько осовременив их и вынеся действие драмы на натуру. Теперь же, экранизируя Шекспира, режиссер, наоборот, обратился к ритуалу еще более древнего, более условного, чем «Кабуки», театра «Но», в котором актеры играли на сцене в специальных масках, обозначавших различные типажи и состояние души. В фильме масок на лицах актеров нет, но их движения явно имитируют пластику, а мимика — омотэ (личины) театра «Но». Несмотря на столь необычный подход к классической трагедии, лучшие шекспироведы мира в один голос утверждали, что это настоящий Шекспир если не по виду, то по духу.

«Замок интриг» был снят в излюбленном японскими кинематографистами и зрителями жанре «дзидаймоно» — самурайской драмы. Куросава отдал щедрую дань этой традиции — в общей сложности он снял восемь самурайских фильмов. У этого жанра свои прочные, давно установившиеся правила, как у американского вестерна, и, как и в вестерне, создать в «дзидаймоно» нечто свежее, новаторское очень нелегко. Не всегда это удавалось и Куросаве. Головокружительные фехтовальные трюки, хитроумные интриги, моря крови — все это было в картинах «Телохранитель», «Три негодяя в потаенном замке», «Цубаки Сандзюро», героев играл несравненный Мифунэ Тосиро, однако другие режиссеры тоже не жалели трюков и красной краски, и в их фильмах тоже успевал сниматься неутомимый Мифунэ. Почему же тогда «Семь самураев» Куросавы считается не только шедевром «дзидаймоно», но и одним из лучших произведений мирового кино?

Дело в том, что этот фильм, соблюдая все традиции своего жанра, стоит на совершенно ином идейном уровне. По форме — авантюрная драма, по идее — призыв художника-гуманиста к миру, против насилия и зла. Сюжет незамысловат: банда разбойников грабит и терроризирует крестьян, и те решают нанять для защиты отряд самураев (впоследствии та же фабула, только с иным национальным колоритом, была использована в фильме Джона Стёрджеса «Великолепная семерка»). Семь самураев вступают в неравную борьбу с разбойниками и побеждают их, причем четверо из семи гибнут. Самураи благородны, неустрашимы, самоотверженны, а крестьяне, наоборот, хитры, корыстолюбивы и неблагодарны: когда с бандитами покончено, они теряют всякий интерес к своим спасителям и не желают их больше кормить. Куросава специально создает этот контраст, который лишь ярче выделяет идею картины: пусть крестьяне грубы, жадноваты и не идут ни в какое сравнение с благородными рыцарями, все равно для земли они важнее, чем герои-воины, потому что они люди труда. Главные вещи на земле — мир и труд — вот смысл этой необычной самурайской драмы.

Куросава никогда не был равнодушен к общественным проблемам. Еще в ранних его лентах присутствовала социальная тематика, вновь обратился он к ней и на рубеже 60-х годов, сняв фильмы «Рай и ад», «Хроника живущего», «Лучше всех спят негодяи». Но тема социального неравенства всегда служила Куросаве естественным фоном для проникновения во внутренний мир индивидуума. Его картины являли собой протест личности против несправедливости и бесчеловечности буржуазного общества, они далеки от классовой борьбы. Герои-одиночки, люди отчаявшиеся и неуравновешенные, бессильны против капиталистического истэблишмента. Мотивы их борьбы с обществом носят личный характер (месть за отца, комплекс неполноценности и т. д.), да и сама эта борьба направлена не против господствующего класса в целом, а лишь против отдельных его представителей.

Авторитет Куросавы к началу 60-х годов был таков, что он мог, казалось бы, диктовать любые условия киностудиям, которые буквально дрались за право финансировать его очередной фильм: картины Куросавы собирали огромные зрительские аудитории и приносили продюсерам баснословные прибыли. И все же, работая на крупные студии, режиссер не принадлежал себе. Куросава решил основать собственную киностудию «Куросава Акира». Но гениальный художник редко бывает удачливым бизнесменом. Новоиспеченному продюсеру-режиссеру пришлось нелегко. Социальные фильмы, которые ему хотелось снимать, прибыли не давали, пришлось снимать кассовые самурайские драмы, но прибыли от них надолго хватить не могло.

Дело в том, что Куросава над каждым фильмом работает в несколько раз дольше, чем остальные японские режиссеры. Требовательность к себе и к игре актеров, стремление к совершенству заставляет его переснимать один и тот же эпизод десятки раз. Например, картину «Красная борода» он снимал два года, в то время как на других студиях фильм делали за полтора-два месяца. Роль Красной бороды стала последней ролью Мифунэ у Куросавы — ведь за два года «суперзвезда» мог бы сняться в нескольких фильмах.

«Красная борода» стала и последней лентой независимой киностудии. Картина получила специальный приз Московского кинофестиваля 1965 года. Несмотря на высокую оценку критики, в финансовом отношении она довершила крах студии «Куросава Акира».

С начала шестидесятых, стремясь к легким прибылям, японский экран стал демонстрировать все больше фильмов, рассчитанных на непритязательный вкус. Насилие и порнография вытесняли с экрана творческий поиск. От Куросавы требовалось следовать «веяниям времени». И режиссер объявил, что порывает с японским кинематографом.

Знаменитого режиссера пригласили в Голливуд, но творческой свободы он не обрел и там: ему предлагали снимать боевики, рассчитанные на кассовый успех. Из-за конфликтов с продюсерами сорвались съемки трех картин. Все личные средства упрямого японца уходили на выплату неустоек. В мире кино стали поговаривать, что Куросава как режиссер «кончился».

И тут он опять поразил мир. Вернувшись в Японию, Куросава за четыре недели, продав свой дом, снял «До-дес-ка-ден» («Под стук трамвайных колес») — сильный и горький фильм о жизни бедноты. Единого сюжета в нем нет, он объединяет ряд эпизодов из жизни населения трущоб. Некоторые из этих эпизодов комичны, некоторые лиричны, но большинство, как рассказ о безумном архитекторе и его сыне, полны трагизма. Это первый цветной фильм Куросавы, и яркие, кричащие тона подчеркивают суетность современного буржуазного общества. Картина о человеческом страдании и о бессмысленности этого страдания. Трущобный городок — аллегория мира, в котором люди не живут, а существуют, непонятно для чего рождаясь, мучаясь и умирая.

«До-дес-ка-ден» полон боли за человека, и это фильм человека уставшего, изумчившегося, разочарованного. Вскоре после премьеры Куросава пытался покончить жизнь самоубийством.

Затем долгое молчание. В 1975 году на студии «Мосфильм» Куросава снял «Дерсу Узала» — фильм, в котором играли только советские актеры. Нет надобности рассказывать об этой картине, она хорошо памятна нашему зрителю. На IX Московском кинофестивале «Дерсу Узала» получил Золотой приз, а в 1976 году — американскую премию «Оскар».

И снова долгое молчание, вызванное не отсутствием творческих планов, а вечным бичом таланта — финансовыми трудностями. На этот раз на помощь Куросаве пришли американские собратья

по искусству: Джордж Лукас (постановщик «Звездных войн») и Фрэнсис Коппола (создатель «Крестного отца» и «Апокалипсиса») выступили в качестве продюсеров новой картины Куросавы.

В ноябре 1980 года на Лондонском кинофестивале был представлен фильм «Двойник» («Кагэмуся»), единодушно признанный лучшей работой Куросавы со времен «Семи самураев». (Кадр из фильма «Кагэмуся» мы использовали в качестве заставки к этому материалу.)

Картина снята на сюжет, взятый из японской истории. Великий полководец и могущественный феодал XVI века Такэда Сингэн, ведущий борьбу за объединение страны, сталкивается с мелким воришкой, внешне удивительно похожим на него. Вскоре князь погибает, и его приближенные, желая скрыть до лучших времен от войска и врагов смерть повелителя, заставляют воришку изображать Сингэна. Долгое время двойник успешно играет роль князя, став точной его копией, но случайно обман раскрывается, и бывшего преступника с позором изгоняют из замка. Узнав наконец о смерти грозного Сингэна, враги обрушиваются на его княжество и в кровопролитной битве уничтожают все его войско.

«Трагикомедия и психологическое исследование» — так определил сам Куросава жанр своего фильма. Центральная фигура — двойник, сочетающий в себе комическое — то, что осталось в нем от воришки, и трагическое — то, что по мере слияния с образом полководца неизбежно накладывает на него отпечаток. Трагична и психологическая метаморфоза двойника, которого удивительно ярко сыграл Накадаи Тацуя: сначала он человек, пусть жалкий и никчемный, но имеющий свое «я»; затем он сливается с душой, насколько это для него возможно, великого Сингэна; в конце он никто, тень человека, ибо от воришки в нем ничего уже не осталось, а «Сингэном» он быть перестал. И, как тень умершего князя, он скрытно следует за его войском. В последней битве, где это войско гибнет, погибает и он, кидаясь один в бессмысленную атаку.

Трагическая судьба двойника исполнена символики: насколько велика преобразующая сила идеи в жизни человека, если даже самого ничтожного из людей она способна поднять на такую высоту, когда он готов пожертвовать ради нее жизнью.

Куросаве перевалило за семьдесят. Для иных людей это закат жизни, для него новый этап зрелого и мудрого мастерства. В одном из данных недавно интервью Куросава рассказал, что готовится к экранизации «Короля Лира». На пути режиссера все те же проблемы: снимать то, что требуют киномонополии, он не хочет, а своих средств не хватает. История эта ненова — талантливым, самобытным художникам во все века приходилось нелегко. К счастью, многие из них были упрямы, и их упрямству мы обязаны тем, что искусство развивается, а не стоит на месте.

ДЖАЗОВЫЙ ВЕК: потери и обретения

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Хотя 20-е годы и вошли в литературу США под именем «джазового века», наименование это подразумевало не столько негритянскую музыку, сколько умонастроение той части белой американской молодежи, которую писательница Гертруда Стайн нарекла «потерянным (или «пропавшим».— *Л. П.*) поколением». Потерянностью своей оно было обязано первой мировой войне и прямым ее последствиям, отнявшим у детей «среднего класса» наивную веру в разумность, добрую волю и благородные идеалы, лежащие, как их учили и как им думалось, в основе цивилизованного западного общества и служащие залогом его неуклонного продвижения по пути согласия, взаимопонимания и прогресса. Опыт истории с предельной убедительностью показал всю беспочвенность подобных ожиданий, и прекраснодушный идеализм обернулся горчайшим разочарованием, скепсисом и мучительным состоянием полной дезориентации.

«Старшее поколение изрядно подразрушило этот мир еще до того, как передать его в наши руки,— исповедовался в 1920 году один из таких молодых людей на страницах журнала «Атлантик мансли».— Они вручили его нам разбитым на куски, дырявым, докрасна раскаленным и готовым взорваться, а теперь удивляются, что мы не принимаем этот подарочек с тем же почтительным энтузиазмом, с каким они принимали его в 90-х годах прошлого века. Сегодня у нас уже нет никаких иллюзий, и мы порядком ожесточились после всех катаклизмов, причиненных их самодовольным безумием. Темп жизни для нас так ускорился, что идей и впечатлений, приобретенных за пару лет, хватило бы раньше на целую нормальную жизнь. В нашей уже неспособной возродиться юности мы приобрели практицизм и цинизм, свойственный лишь необратимой старости. В одну ночь мы были вынуждены стать реалистами».

Картина, открывшаяся взору этих новоявленных реалистов, была безрадостной. Самые близкие люди внезапно сделались чужими, прежние ценности и традиции казались сплошной ложью и обманом. Новые же веяния, захватившие Америку, одновременно и отталкивали и притягивали тех, кто жаждал найти вокруг и внутри себя хоть что-то подлинное, не затронутое всеобщей порчей, способное противостоять тотальному разрушению и отчуждению, ценности не тающие как дым при первом же столкновении с грубой действительностью.

Особенно тяжким было ощущение беспомощности перед лицом могущественных сил, ассоциируемых молодыми с поколением жестоких и бездушных «отцов», ввергнувших «детей» в пучину взаимоистребления ради упрочения собственной власти над оставшимися в живых. «Это был век,— писал литератор Малколм Каули,— когда совещания директоров акционерных компаний имели бо́льшее значение, чем заседания правительства, и когда судьба нации вершилась пожилыми банкирами и администраторами компаний. Их портреты каждую неделю появлялись в роскошных журналах; они носили стоячие воротнички и жилеты в белую полоску, плотно облегавшие маленькое округлое брюшко. Иногда они принимали надменный вид, иногда пытались улыбаться, но глаза их над дряблыми, серыми, морщинистыми щеками оставались холодными как лед. Эти правители Америки, как их называли в журнальных статьях, мало интересовались книгами и идеями...»

Всепроникающий диктат меркантильных интересов, прикрываемый возвышенно-велеречивой риторикой, гнет официальной благопристойности и мертвенный холод, исходивший от всего, так или иначе представлявшего собой деловой и политический истэблишмент, побуждал недовольную и несогласную молодежь искать прибежище в чем угодно: от буквального бегства

Этот материал продолжает серию статей об истории современной популярной музыки. Предыдущие были опубликованы в «Ровеснике» № 4, 8 и 12 за 1981 год и в № 1 за 1983 год.

в Европу (как поступил, например, Хемингуэй) до прямого отрицания этических и эстетических норм буржуазного класса и демонстративного сближения с извечными париями американского общества — черными, и в первую очередь с музыкантами джаза. Владевшие каким-нибудь инструментом приводили в ужас и негодование своих родителей, педагогов и вообще всех «старших» неустанными (и очень шумными) попытками подражать чернокожим трубачам, пианистам и барабанщикам. Не умевшие ни на чем играть обеспечивали им фанатически преданную и восторженную аудиторию. Что скрывалось за этой необъяснимой, подчас маниакальной одержимостью?

«Джаз многое определял и делал отчетливым,— свидетельствовал в своей автобиографической книге Хоги Кармайкл, пианист-самоучка, копировавший негритянских исполнителей, исключенный из школы за неподобающее поведение и ставший впоследствии сочинителем всемирно известных популярных песен (знаменитейшая их них — «Stardust», «Звездная пыль», была вдохновлена импровизациями Луи Армстронга). — Он говорил как раз то, что нам больше всего на свете хотелось бы высказать, возможно, не поняв еще толком, о чем, собственно, мы собираемся говорить».

Обращаясь к джазу, потерянное поколение поворачивалось спиной ко всем буржуазным добродетелям и тому, что считалось образцами «изящного вкуса» и «хороших манер». Ведь для большинства белых американцев джаз в те годы был, по словам историка Барри Уланова, «синонимом разухабистой эстрадной новинки, происходящей не то из конюшни, не то из какого-то иного, еще более неподходящего места», тогда как интеллектуально-художественный авангард видел в нем «главным образом символ, симптом и изящно-убийственный эпитет, с помощью которого можно было одним ударом разделаться либо со всей эпохой в целом, либо с какой-нибудь отдельной группой эфемерных ее представителей. Иногда «джаз» означал также и музыку, но лишь иногда, музыка как таковая не была в данном случае основным предметом обсуждения».

Обсуждалась же — притом с огромным энтузиазмом — проблематика «примитивно-варварского», «дикарского», «инстинктивно-бессознательного» и «первобытного» начала, носителем которого, по общему мнению, был джаз, непосредственно выводимый тогдашними теоретиками из «африканских джунглей».

Так или иначе всеобщее ощущение кризиса, неустойчивости и приближения каких-то решающих перемен заметно расширило брешь в стене расовой и эстетической предвзятости, заслонявшей от белой Америки лицо джаза, и «потерянное поколение» не преминуло воспользоваться этой брешью, чтобы завязать с джазом более тесный и содержательный диалог. По мере его развития становилось все более очевидным, что для мятущейся американской молодежи 20-х годов джаз был не только «великим отказом», не только протестом и анархическим бунтом против всего, что навязывали им семья, школа, церковь, работа в конторе или любая иная форма «встраивания» в уже сложившийся и раз навсегда заведенный порядок вещей. Джаз приносил им и огромный заряд положительных ценностей, ревниво оберегаемых от посторонних, часто маскируемых внешними эксцессами и поверхностным наблюдателям недоступных.

Замечательное, уникальное в своем роде тому свидетельство оставил доктор Эдмонд Сушон, видный хирург (а также знаток, исследователь и квалифицированный исполнитель раннего джаза на гитаре и банджо), родившийся в 1897 году в одном из старейших и почтеннейших белых семейств Нью-Орлеана.

Воспитывавшийся в традициях «южной аристократии», то есть с младенчества окруженный вышколенными слугами, пестуемый гувернантками, говорящими на иностранных языках, и наряжаемый в батист и бархат, словно маленький лорд Фаунтлерой, он был по достижении четырехлетнего возраста передан под опеку шоколадно-коричневой «мэмми» по имени Тина. «Многоликая Тина была моей самодержавной повелительницей, наставницей, защитницей и самой интересной личностью из всех, кого я дотоле знал. Она была также искуснейшей поварихой и ритуал приготовления ужина, в ожидании которого я возился на дворе недалеко от кухни, сопровождала неумолчным многочасовым пением. Ее низкое контральто, чистое и мягкое, пронизывал ритм, заставлявший меня замирать, вслушиваться и притопывать. В ее исполнении смешивались креольские народные песни, церковные гимны и популярные мелодии, модные на рубеже XIX и XX веков. Тина сердито шикала на меня, когда я начинал вторить некоторым недостаточно рафинированным из ее куплетов, я же постоянно распевал их перед другими людьми, если был уверен, что они не выдадут меня моей матери...

Ежедневно Тина водила меня гулять по авеню Сен-Шарль, иногда заявляя о необходимости прикупить что-либо особенное к обеду, и тогда мама разрешала мне сопровождать ее в торговый квартал. Там всякий раз по какому-то случайному (случайному ли?) совпадению мы заставали самое замечательное в мире зрелище: уличный парад с оркестрантами в расшитых мундирах, шляпах, украшенных плюмажами, и при саблях, окруженных восторженной толпой детей и взрослых, а впереди всех — величественный и грузный мужчина с короткой, похожей на обрубок трубой, который служил дворецким в доме наших знакомых, а играл только в свободные от работы часы. Все вокруг, казалось, горячо любили его — и я тоже. То был Джо Оливер».

Любовь к чернокожему музыканту, вспыхнувшая в сердце белого малыша, осталась с ним навсегда. «В 1907 году, когда мне уже разрешалось самостоятельно ездить по городу на трамвае, кто-то сказал, что Джо Оливер выступает в кабаре Сторивилла — негритянского района, пользовавшегося самой дурной репутацией. Сердце мое забилось: я ужасно давно не слышал Оливера и весь истосковался по его музыке. Трудность заключалась в том, что «приличным людям» посещать тот район отнюдь не подобало, детям же категорически запрещалось даже приближаться к его границам, исключение делалось лишь для мальчишек-газетчиков. И этой-то возможностью я и решил воспользоваться, пригласив для храбрости одного из наиболее авантюристичных своих приятелей. Раздобыв самую старую одежду, какую только удалось достать, порвав ее предварительно во многих местах и выпачкав в грязи, дождавшись темноты и прихватив под мышку полдюжины экземпляров «Дэйли стэйтс», мы отправились в путь».

Надо хорошенько представить и прочувствовать, что все это значило для примерных десятилетних мальчиков из того общественного и культурного круга, к которому они принадлежали. Рискованное «путешествие на край ночи» становилось подвигом нисхождения в преисподнюю, героической вылазкой в таинственный мрачный и угрожающий другой мир, блужданием в лабиринте страха и решающим испытанием их собственного мужества, чистоты и человеческого достоинства. «Полисмена, остановившего нас на первом же перекрестке, удалось убедить, что нам надо доставить Оливеру заказанные им газеты. Минутой позже послышалась музыка, и теперь, чтобы задержать нас, потребовалось бы не меньше целого отряда полиции. И вот мы перед одноэтажным зданием с баром и танцевальным залом; сквозь двери пробивался

яркий свет, но снаружи было совсем темно, и мы прятались в тени часа полтора, слушая музыку, покуда кто-то нас не заметил и не велел убираться прочь. С тех пор мы провели там много вечеров, сидя на краю канавы, болтая ногами и упиваясь звуками, доносящимися изнутри. Иногда Оливер выходил на улицу подышать воздухом. После долгих колебаний, набравшись наконец смелости, я обратился к нему: «Мистер Оливер, вот газеты, которые вы заказывали...» Никогда не забуду, каким огромным и грозным он выглядел, загремев в ответ: «Ты же отлично знаешь, белый мальчик, никогда никаких газет я не заказывал!» Казалось, наступил конец света, но вдруг мы сообразили, что говорил он совсем не так уж громко и никто, кроме нас, слов его не услышал. «Я ведь знаю, ребята, вы сюда частенько наведываетесь слушать мою музыку,— продолжал Оливер куда приветливее.— Что ж вы думаете, я вас за это буду гнать? Просто место здесь очень уж неподходящее, и мне не хочется, чтобы у вас из-за меня случились неприятности. Так что держитесь себе незаметней и возвращайтесь домой к тому часу, когда положено». Мечта наша осуществилась: мы были допущены и приняты! Мы в самом деле этого добились!»

Десять лет спустя Эдмонд Сушон, студент Тьюлейнского университета, не пропускал ни одних субботних танцев в спортзале, когда там играл Джо Оливер и его джаз-банд. «Нас было семеро — любителей джаза; фактически мы не танцевали, а весь вечер простаивали вокруг эстрады, стараясь не пропустить ни одной ноты и ни одного жеста. До чего же мы были счастливы! Когда танцы кончались, мы шли к себе и сами пытались подражать этим музыкантам. Подумать только, юные белые джентльмены на крайнем Юге следуют в экстазе как преданная свита за негритянским оркестром; в те дни это было чем-то абсолютно неслыханным».

Прошло еще десять лет, а с ними первая мировая война, служба во Франции, учеба на медицинском факультете и двухгодичная работа стажером в чикагских больницах, покуда дипломированный врач Эдмонд Сушон смог вновь встретиться с кумиром своего детства и юности. «Собираясь отпраздновать окончание нашей стажировки, мы отправились в Саут-Сайд, где, как нам сказали, играют лучшие джаз-оркестры. Сухой закон был в самом разгаре, и внешний антураж рекомендованного нам подпольного бара, куда вел длинный, обшарпанный, еле освещенный и замусоренный коридор, был на редкость непривлекателен. Но доносившаяся оттуда музыка заставила нас забыть все: нескольких тактов было достаточно, чтобы почувствовать что-то удивительно родное... Внутри дым стоял коромыслом, шла какая-то программа варьете, перемежаемая танцами, и над всем возвышалась грандиозная фигура человека с корнетом. Невероятно! Это был Джо Оливер, теперь уже «Кинг», окруженный всезвездным ансамблем, кордебалетом и вокальной группой, и то, с какой сердечностью он приветствовал двух старых друзей из Нью-Орлеана, привело нас в крайнее смущение, ибо я ощутил вдруг комок в горле — такой же, как и в тот далекий вечер, когда мы в одежде мальчишек-разносчиков предложили ему газеты, которых он никогда не заказывал. На сей раз его любезность и вежливость не уступали доброте и участливости, проявленной тогда к двум дрожащим маменькиным сынкам, нашедшим в себе мужество преодолеть ужасы Сторивилла, чтобы услышать его игру. Шум, крики и всеобщее возбуждение, царившие в этом злачном месте, не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило в наших сердцах. Нас вдруг осенило, какой великой чести мы удостаивались, сколь высокая привилегия была дарована нам на протяжении минувших тридцати лет».

Приобщение к чему-то неизмеримо более важному, содержательному и значительному, нежели их обыденное существование, и одновременно переживание чего-то бесконечно родного, близкого и своего, впервые открывающегося или давным-давно утраченного, а теперь заново обретаемого при встрече с джазом, ощущалось не только теми, кто с детских лет был зачарован его звучанием. Большая часть белой молодежи 20-х годов узнавала джаз в критический период своего возмужания, совпавший с ломкой всего ее мировоззрения, то есть именно тогда, когда она особенно остро нуждалась в духовной опоре и каком-то новом источнике веры, надежды и любви. Гитарист Эдди Кондон вспоминал о первом впечатлении, произведенном на него совместной игрой Оливера и Армстронга: «Это был настоящий гипноз... звуки труб казались нам лаской теплого дождя в холодный день... мы не могли пошевелиться, музыка вливалась в нас, как свет дня в темницу заключенного».

Радость внезапного озарения и прозрения и горячая благодарность тем, кто ее приносил, переполняли души новообращенных и требовали выхода. Одни находили его в собственном музыкальном творчестве, другие — в самоотверженном служении и содействии творцам. Восхищение искусством негритянских джазменов было неподдельным и граничило с обожанием. Типичную для тех лет сцену описывал кларнетист Мез Мезроу (впоследствии объявивший себя «добровольным негром» и официально отказавшийся от статуса «белого американца»): «Я принес ребятам новую запись Армстронга, и они прямо с ума посходили: крутили ее до тех пор, покуда не выучили всю наизусть и не попадали с ног от усталости. А часа в два ночи Тэш (саксофонист Фрэнк Тэшмейкер.— *Л. П.*) вдруг вскакивает и объявляет: нужно, чтобы ее прослушал и Бикс (трубач, пианист и композитор Бикс Байдербек.— *Л. П.*), отправимся к нему в Хадсон Лейк немедленно, и пусть он тоже испытает самое сильное потрясение своей жизни. Ехать туда было около пятидесяти миль, но мы тут же попрыгали в машину и помчались как безумные по темному шоссе, распевая во все горло зажигательные фразы из армстронговской «Хиби-джибиз», петляя из стороны в сторону и стреляя открытым глушителем в такт. Растолкав Бикса на рассвете, мы тут же завели ему эту вещь, мгновенно повергшую его в полное неистовство. Трясясь от восторга, он отбивал брейки своими длинными костистыми руками, вращавшимися в воздухе как крылья веялки, а когда пластинка кончилась, сорвал ее с проигрывателя и бросился на улицу будить всех, кого он знал в Хадсон Лейк, чтобы и они послушали...»

Разумеется, столь экзальтированное, почти религиозное отношение к джазу было уделом сравнительно немногих, большинство просто двигалось в русле моды, быстро прошедшей и не оставившей сколько-нибудь заметных следов. Но те, в ком джаз затронул истинные, сокровенные струны их существа, сохраняли ему верность до конца своих дней. Могло ли быть иначе?

Молодые люди, потерявшись в хаосе идейного распада и всеобщего отчуждения, неожиданно приходили путем джаза к тому, чего им так не хватало в окружающем мире и даже родительском доме: к искренности, теплоте, бескорыстной поддержке, тесному братству и кругу единомышленников. Сытые по горло пошлостью мещанско-салонной музыки и всей буржуазной культуры в целом, они обретали в джазе освобождающе-свежий способ художественного видения и отражения действительности; умение принимать факты такими, каковы они есть; едкий, как серная кислота, сарказм, подвергающий испытанию на прочность каждое патетическое высказывание, каждую самоуверенную позу, каждый претендующий на окончательность вывод; наконец, неистребимый юмор, тотчас разоблачающий и высмеивающий любую фальшь, напыщенность, мнимую многозначительность и осторожную (а потому ущербную) серьезность.

Последнее весьма импонировало также передовым европейским композиторам 20-х годов, выступавшим под знаменем борьбы с дискредитированной в глазах нового поколения эстетикой музыкального романтизма. Им казалось, что в джазе они могут найти естественного союзника.

КАЖДОМУ СВОЕ

Взгляните на картинку: узнаете? Мы уже писали об этом зайце (см. «Ровесник» № 2 за 1981 год). Заметка называлась «Где заяц зарыт?» и в ней шла речь об английском художнике Ките Уильямсе. Картины его покупались плохо: кто покупает картины хоть и хорошего, но ничем не прославившегося художника? Тогда Уильямс придумал такую штуку: на свои средства издал детскую книжку, которую написал и нарисовал сам, и в этой книжке рассказал о похождениях шустрого зайчишки Джека. А еще художник поназанимал денег и сделал золотого зайца, которого зарыл в ночь полнолуния где-то в Англии. А в рисунках зашифровал тайну клада и сообщил об этом в печати. Книжку тут же раскупили (и художнику удалось выплатить долги), всю Англию перекопали. Хотя в книжке крылись клады поценнее зайчишкиных — для того чтобы найти зайца, детям нужно было изучить: а) историю Великобритании (Уильямс намекал в рисунках, что клад зарыт где-то там, где в XVI веке проживала одна из шести жен короля Генриха VIII); б) математику (чтобы вычислить угол падения тени в ночь весеннего равноденствия); в) астрономию (чтобы знать, когда равноденствие бывает).

И вот клад найден... взрослым дядей по имени Кен Томас, который по-детски верил в клады и два с половиной года не расставался с лопатой. Только, по правде говоря, зайца нашел не он, а его собака: она наткнулась на искомое место совсем случайно, пробегая по своим собачьим делам. Добычу поделили поровну: славу — собаке, зайца — хозяину.

ЗАНАВЕС!

1964 год. В модном лондонском клубе «Марки» проходят первые выступления ансамбля «Ху»: Роджер Долтри — вокал, Пит Тауншенд — гитара, Джон Энтуистл — бас-гитара, Кейт Мун — ударные. 1965 год. Первая долгоиграющая пластинка, первые гастроли по Англии, первый большой успех — песня «Мое поколение», сделавшая «Ху» одним из ведущих английских ансамблей. 1969 год. Выходит рок-опера «Томми». 1973 год — рок-опера «Квадрофения». Почти ежегодно новая пластинка «Ху» плюс сольные альбомы членов ансамбля, работа в кино, гастроли. 1978 год — смерть Кейта Муна. «Ху» на грани распада. В ансамбль приходит новый барабанщик Кенни Джонс — и все начинается сначала?

1982 год. «Ху» объявили, что их турне по США последнее. Сходит со сцены ансамбль — символ поколения, которому сегодня под сорок.

«КОШКИ», ГУЛЯЮЩИЕ ПО МИРУ

«До чего котята нынче невоспитанные стали»,— ворчит старый кот Натс, эстет и театрал. Уныло тащится по сцене кошечка Гризабелла, отставная рекламная звезда. Парочка истеричных котов ждет появления НЛО — короче, человеческая жизнь в кошачьей трактовке.

Все эти кошки — герои мюзикла, который так и называется «Кошки». «Кошки» покорили сначала Лондон, потом перепрыгнули за океан, и сейчас это самая популярная из бродвейских постановок. Секрет успеха в остроумном тексте, основой для которого стала детская книжка одного из самых известных англо-американских поэтов и критиков XX века Томаса Элиота. Музыка Эндрю Ллойда Уэббера, прославившегося мюзиклом «Иисус Христос — суперзвезда».

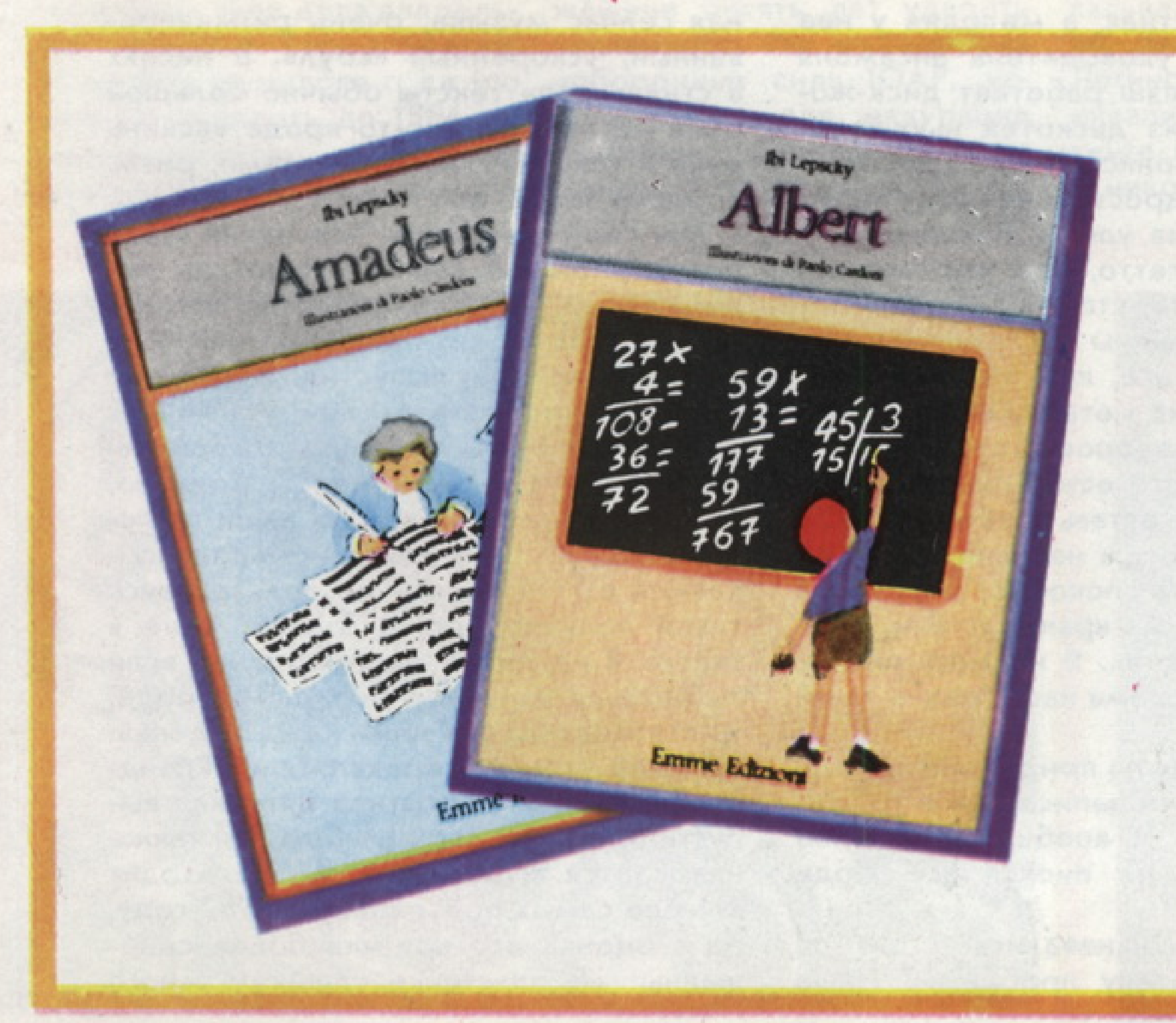
НА ОБЛАКЕ ВЕРХОМ

«Скользишь по воздуху, как на санках...» — сказал американец Д. Шивли, первый человек, прокатившийся на облаке. Для занятий новым видом спорта, так называемым аэросерфингом, ему понадобилась отполированная дощечка из сверхлегкого пенопласта, специальный костюм с перепонками от рук к туловищу и между ногами, тренированность хорошего парашютиста (не говоря уж о парашюте), приятель-пилот и маленький спортивный самолетик.

ОЧЕРЕДНАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ!

И еще один английский мюзикл перебрался в США. Сюжет мюзикла «Леннон» достаточно прост: это просто биография певца. Как считает автор пьесы Боб Итон (на снимке он с исполнителями ролей Леннона и Йоко Оно), «пьеса может помочь лучше понять песни Джона». Вдова же певца, Йоко Оно (она, кстати, отказалась от какого-либо участия в подготовке спектакля), заявила журналистам: «Помочь лучше понять песни Джона могут только песни Джона. На мой взгляд, это очередная спекуляция его именем».

СКАЗКА-ПРАВДА

Мальчик Амадей первый концерт дал в пять лет, а когда вырос, стал великим композитором. Мальчик Альберт в детстве был самым обычным увальнем, а когда вырос, стал великим физиком. О великих людях написаны горы книг, но обычно только для взрослых. Почему же такая несправедливость? — подумали авторы издаваемых сейчас в Италии книжек. Биографии великих людей в них рассказаны в виде сказок, так детям будет интереснее, полагают их создатели. Кто знает, может быть, именно сказка подтолкнет читателей узнать больше о музыке Моцарта или теории относительности Эйнштейна?

«ХИТ - ПАРАД - 82», или Отвечаем на ваши письма

Дорогие друзья! В «Ровесник» приходят письма, в которых вы просите рассказать о самых популярных сейчас английских и американских рок-ансамблях. Выполняя эту просьбу, должны предупредить вас сразу: в этом материале речь не идет о группах «Куин», «Генезис», «Статус кво», «Кисс», «Смоуки», «Блэк саббэт» и «Роллинг стоунз». По одной простой причине: в списке лучших пластинок 1982 года, опубликованном английским музыкальным еженедельником «Нью мюзикл экспресс» (а список составляется по результатам опроса и музыкальных критиков, и читателей), не фигурировало ни одно из произведений ни одного из вышеназванных ансамблей, хотя в подгруппу «сорокапятки» и в подгруппу «альбомы» входит по пятьдесят названий. Здесь мы расскажем о трех произведениях, которые были признаны лучшими песнями года.

Итак, о чем пели ваши английские и американские ровесники в 1982 году?

«ПОСЛАНИЕ»

Группа «Грэндмастер Флэш и яростная пятерка»

Наш мир — как джунгли.
Иногда я удивляюсь,
почему я все еще жив.
Всюду битое стекло,
Люди в грязных подъездах,
Не могу вынести этот запах,
этот шум.
Крысы в передней,
тараканы в спальне,
Наркоманы в темных аллеях,
Вооруженные бейсбольными битами.
Хотел бы уехать,
Да денег, чтоб выбраться отсюда,
нету.
Не толкай меня в спину.
Хоть я и стою на краю.
Я пытаюсь не сойти с ума.
Наш мир — как джунгли.
Иногда я удивляюсь,
почему я все еще жив.
Стою на крыльце,
выглядываю из окна,
Смотрю на рычащие машины,
ветер воет,
Старая женщина роется в отбросах.
Она могла б рассказать девушкам
О своей юности, о том,
как танцевала танго,
О том, как жизнь прошла напрасно,
Об одиночестве, о черной судьбе.
Не толкай меня в спину,
Хоть я и стою на краю...
У моей матери увезли телевизор,
Впрочем, это на пользу ее
здоровью.
Она слишком много смотрела
в «ящик».
Кредиторы звонят,
пока меня нет дома,
Пугают мою жену.
Что у меня есть?
Поганое образование,
Вдвое взлетевшая инфляция,
Спешу на работу,
а трамваи не ходят:
Забастовка.

И так далее. Песня очень длинная и грустная: подробное описание нью-йоркской жизни, в которой «все замешано на деньгах, а это совсем не смешно». Песня грустная, а мелодия у нее танцевальная. Руководитель ансамбля Грэндмастер Флэш работает диск-жокеем в одной из дискотек нью-йоркского района Бронкс. «К нам в дискотеку приходят подростки, которые практически живут на улице. Район наш — обыкновенное гетто, так что можете себе представить, кто к нам приходит. Мы были вынуждены поставить на входе аппарат, знаете, как в аэропортах, для обнаружения металлических предметов. И парень здоровый стоит и предупреждает: у кого есть ножи или еще какое оружие — оставьте здесь. То есть оставьте за порогом насилие. Поэтому у нас в дискотеке спокойно, эти ребята сами от «жизни на краю» устали. Островок спокойствия... Я не могу винить этих ребят — их сама наша жизнь такими делает.

Нам не надо было придумывать нашу песню: мы просто записали все то, что видели кругом. И вообще эту песню писали не мы. Ее писали все люди Бронкса.

Сначала мы сомневались: стоит ли тащить в дискотеку проблемы? Наша дискотека специализируется на музыке в стиле «рэп». «Рэп» — это такая модная сейчас музыка, очень ритмизированный, ускоренный «соул». В песнях в стиле «рэп» тексты обычно большой роли не играют, что-то вроде «вскинь руки и танцуй», главное — темп, ритм. А здесь такой текст...

Мы сами удивились, что песня стала популярной: ее сейчас играют по радио, через три недели после выхода она возглавила хит-парад фирмы «Шугархилл», которая выпустила нашу пластинку. И принята в Англии! Англичане обычно не очень признают американцев, и вдруг первое место. Конечно, у нас хорошая музыка, но наши прежние вещи в стиле «рэп» — мы записываемся с 1979 года — не пользовались такой популярностью. Значит, дело в тексте. В Англии те же проблемы: если ты беден и живешь в большом городе, ты сталкиваешься с ними каждый день».

После успеха «сорокапятки» «Грэндмастер Флэш и яростная пятерка» выпустили свой первый альбом. Он также называется «Послание», также входит в число самых популярных в 1982 году, но в оценке его критики более сдержанны: «В пластинке слишком много

проходных вещей, хотя интересна трактовка старой песни группы «Детройт спиннерз» «Это позор». По настроению она близка к песне «Послание», и причины ее популярности не нужно объяснять: достаточно посмотреть в программах новостей, как буквально голодают люди в черных гетто Детройта, прежде города автомобилестроителей, теперь города безработных».

* * *

Твоя душа стоит в очереди
за пособием,
Но и тут нужно стараться
хорошо проводить время.
Эй, все, глядите на меня:
Я скорее всего не получу работы,
Но зато стою здесь с такими
отличными парнями!
У нас так много общего:
у нас общая музыка,
Здесь, в очереди,
мы можем сплясать
Под этот зажигательный ритм.
И не беда, что я скорее мертв,
чем жив,
В это время — от девяти до пяти,
В это рабочее время...
Давайте веселиться,
Уэм-бэм! Я — человек,
Есть работа или нет работы,
Давай не забывать, что я — человек.
Не стой на месте, попляшем,
А то сгнием заживо.
На улицах, в автобусах, в метро
Только и слышишь разговоры
Миллионов людей,
рыскающих в поисках работы.
Эй, послушай,
мистер Средний Англичанин,
Не давай себя обдурить!
От тебя же хотят, чтобы ты
Сам себе вырыл могилу.
Кто бы ты ни был —
черный или белый,
Молодой или старый —
Давай соберемся попляшем!
А потом их всех, тех,
Кто хотел бы тебя мертвым видеть,
Всех тех, кто на этом
имеет прибыли —
Сметем одним махом!
Скажи-ка — «Уэм!»
Скажи-ка — «Бэм!»
Дадим-ка им всем по зубам!

Веселая песенка, правда? И написали ее двое ужасно веселых ребят, которые вдвоем и составляют группу «Уэм!» (вот так, с восклицательным знаком. В переводе нечто вроде «Бац!»). «Нам по девятнадцать лет, и мы часть того поколения, которому нечего ждать от жизни. По крайней мере, если все останется так, как сегодня,— говорили Эндрю Риджли и Джордж Майкл в интервью корреспонденту «Нью мюзикл экспресс».— Мы страшно типичные: мы выросли в Уотфорде, пригороде Лондона, и как кончили школу, так и встали в очередь за пособием по безработице. Мы знаем, как работать уборщиками в кинотеатре, на складе, мойщиками окон и все такое прочее. Стоя в очереди, очень легко скукситься, начать жалеть себя и решить, что жить вообще не стоит. Когда вышла наша песенка, кое-кто говорил: «Нашли по какому поводу веселиться!» Наша песенка только кажется веселой. Мы молоды, это лучшее время жизни, а у нас хотят отнять радость. А мы говорим: «Вот вам, получите! Вы не заставите нас скулить!» Те, кто поставил нас в очередь, еще больше злятся, когда слышат, что мы еще способны смеяться. Ребята, такие же, как и мы. писали нам письма и благодарили: «Эта песня дает нам бодрость».

Еще было письмо, в котором говорилось, что вот, мол, вы можете теперь и дальше веселиться: вы заработали какие-то деньги (это, кстати, больше всего удивляет наших родителей — они привыкли воспринимать нас как бездельников с гитарой). И заработали их на песенке о том, что другие заработать не могут. Это, мол, цинизм. Действительно, если так посмотреть, мы оказались в сомнительной ситуации. Но выход из нее есть: во-первых, мы должны уже другими песнями доказывать, что мы чего-то стоим как творческие личности, что мы можем писать хорошую музыку и стихи. Это, так сказать, профессиональный вопрос. Во-вторых, наша музыка и стихи должны отвечать настроениям того поколения и той очереди, из которой благодаря первой песенке мы вышли. А то можно в нее и вернуться!»

И «Уэм!» и «Грэндмастер Флэш...» группы молодые, только недавно вошедшие в мир рок-музыки. Третья же из самых популярных песен года записана рок-музыкантом старшего поколения Робертом Уайаттом. Песню «Строительство военного корабля» он написал в сотрудничестве с Элвисом Костелло (автор текста) и композитором Клайвом Лэнгером, и говорится в ней о военной истерии, раздутой правительством в связи с фолклендским конфликтом. Когда вышла пластинка и надо было писать о ней отзыв, критик Дэнни Бэйкер, которому это было поручено, признавался: «Черт побери, мне почти нечего сказать об Уайатте: он не дает интервью и вообще отказывается от всяких встреч с журналистами. А о пластинке можно сказать следующее: это блестящая, мастерская работа с профессиональной точки зрения. И эта пластинка — явление общественного порядка, потому что она отметила поворотный пункт в массовом отношении к нашей бравой войне на Фолклендах». Года три назад один из английских корреспондентов все же пробился к Уайатту, это интервью мы перепечатывали в «Ровеснике» в № 12 за 1980 год. Тогда Уайатт рассказывал свою историю: он начинал еще в середине шестидесятых, был ударником и вокалистом в знаменитой группе тех времен «Софт машин», потом организовал ансамбль «Мэтчинг моул», после тяжелой катастрофы не смог больше ездить с группой и начал записывать сольные альбомы. Он говорил о том, что разочаровался в роке: «...идеи, воплощенные в музыке, в культуре, сами по себе не могут по-настоящему, реально изменить общество в лучшую сторону. Они могут служить индикатором социальных процессов, быть их свидетельством, но менять их ход не в состоянии». Он говорил и о том, почему все же после нескольких лет молчания вернулся к записи пластинок: «...я вспоминаю о тех, кому сейчас по пятнадцать, и думаю: «Ты можешь им помочь понять, что хорошо и что плохо».

Именно поэтому из множества произведений других музыкантов старшего поколения, среди которых по-прежнему продолжали работать такие супергруппы, как «Ху», «Роллинг стоунз», молодые англичане выбрали пластинку Роберта Уайатта. Вот эта песня:

А стоит ли оно того —
новое зимнее пальто,
сапоги для жены,
велосипед мальчику ко дню рождения?
По городу расползлись слухи
(распространяемые женщинами
и детьми),
что скоро мы начинаем строить
новый военный корабль.
Так вот я и спрашиваю:
стоит ли благосостояние войны?
Сын приходит к отцу:
«Пап, они меня берут в армию,
но я вернусь домой к рождеству».
А по городу ползут слухи,
что кого-то арестовали,
потому что он говорил,
что этот новый корабль
строится для того,
чтобы убивать людей...
А по городу ползут слухи,
уже есть даже цветные открытки,
посвященные спуску на воду
нового военного корабля...
Спустили корабль на воду,
и стали приходить в город
официальные уведомления:
«Ваш сын пал смертью храбрых...»

Н. ТУМАНСИНА

Главный редактор А. А. НОДИЯ
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)
Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 09.03.83. Подп. к печ. 16.04.83. А00091. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 348.
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

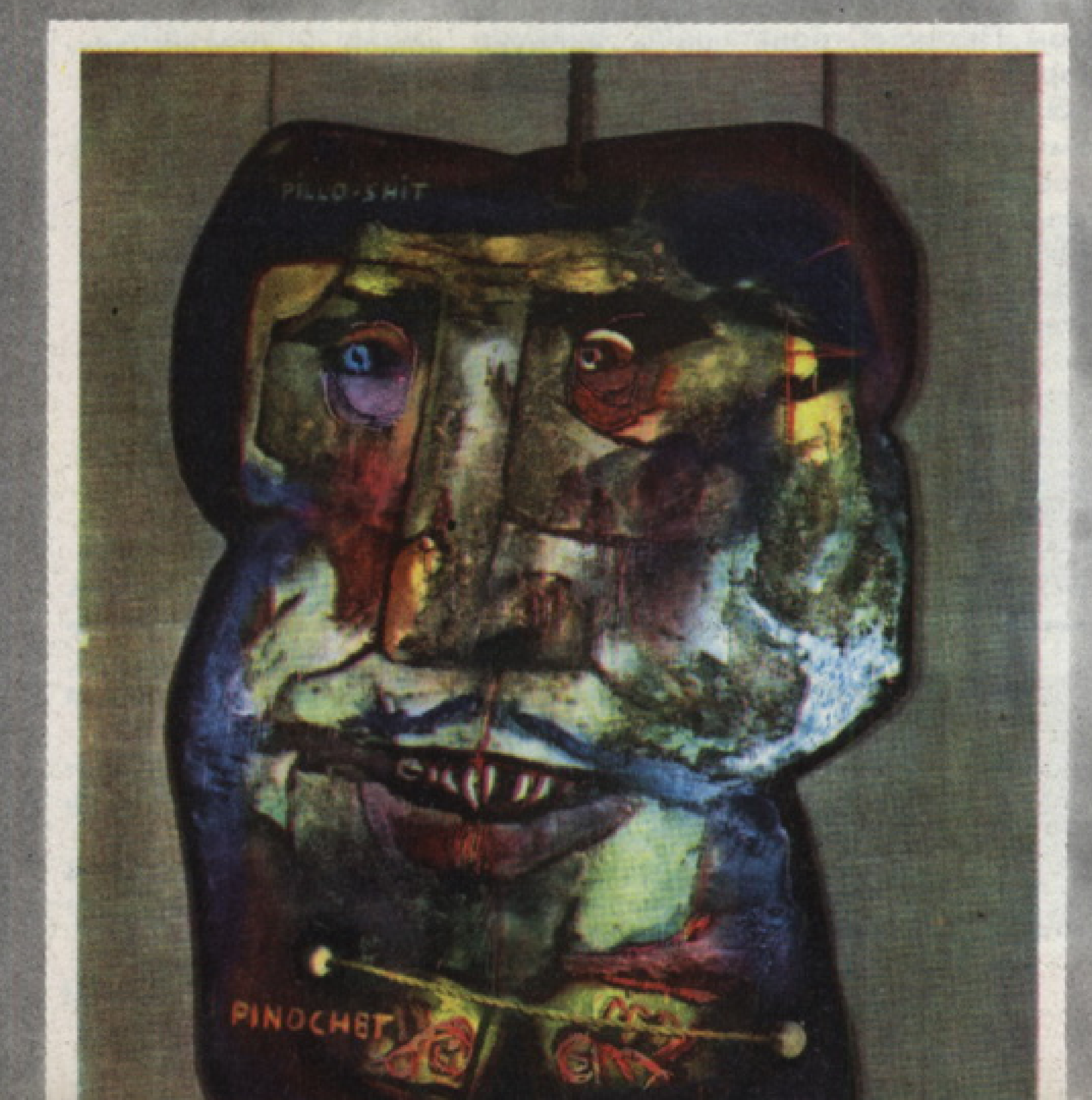
«Немногие выдающиеся художники Латинской Америки столь велики, как этот необъяснимый эквадорец. Такие люди, как он, подобны Андской горной цепи, протянувшейся по всему континенту. Они высоки и обильны, сложны и тверды, как железо» — так писал поэт Пабло Неруда о крупнейшем эквадорском художнике Освальдо Гуаясамине. Недавно в Москве состоялась выставка, на которой было представлено 160 работ мастера. Всего же за сорок лет деятельности Освальдо Гуаясамин создал около шести тысяч картин и более двухсот скульптур.

Слева сверху вниз:
«Автопортрет»,
фрагмент настенной росписи «Лидице»,
«Пиночет».
Справа сверху вниз:
«Мать и ребенок», «Напалм»,
«Забастовка».

Индекс 70781
Цена 35 коп.